

Д. А. Муха

РОМУЛ

– первый царь Рима

Даниил Муха

**Ромул – первый царь Рима.
Эпическая повесть**

«Издательские решения»

Муха Д.

Ромул – первый царь Рима. Эпическая повесть / Д. Муха —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839277-1

Книга повествует о легендарном основании Рима Ромулом, но предварительно перед этим событием отсылает нас в прошлое, чтобы узнать о непростом детстве Ромула и его брата-близнеца Рема; и как они смогли повести за собой людей и совершить важное деяние, оказавшее влияние на судьбу Центральной Италии и всего Апеннинского полуострова.

ISBN 978-5-44-839277-1

© Муха Д.
© Издательские решения

Содержание

Слово к читателю	7
Пролог	10
1 Воцарение тирана	11
2 На службе у богини	14
3 Рождение	19
4 Чудесное спасение	24
5 В семье пастухов	28
6 Время перемен	34
7 Новые друзья	42
8 Первые столкновения	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ромул – первый царь Рима

Эпическая повесть

Даниил Муха

© Даниил Муха, 2020

ISBN 978-5-4483-9277-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Вечному городу, без личного знакомства с которым я никогда не закончил бы эту книгу.

Также посвящается преждевременно ушедшему отцу, который однажды захотел, чтобы я написал книгу о Древнем Риме.

И посвящается моим любимым родным, друзьям и хорошим знакомым, от которых я всегда получаю моральную поддержку и добрые советы.
Автор

Слово к читателю

Дорогой читатель! Я представляю твоему вниманию книгу «Ромул – первый царь Рима». И очень надеюсь, что чтение этой книги доставит тебе удовольствие. Но, прежде чем погрузиться в загадочный и далекий, суровый, но также и красочный мир этой книги, я хотел бы дать тебе основное представление об эпохе и месте, дабы у тебя не возникали вопросы, касающиеся сюжета и главных героев.

Итак, начнем путешествие во времени и пространстве. Место действия данной книги – Центральная Италия, время – восьмой век до новой эры (до рождения Христа – кому как нравится). Главные герои – легендарные или полуполулегендарные персонажи: основатель Рима Ромул и его родной брат-близнец Рем. Но есть еще другие важные персонажи, тоже, скорее всего, выдуманные: добрый Нумитор, дед Ромула и Рема; злой Амулий, родной брат Нумитора; Тит Таций, царь сабинян и соправитель Ромула; Рея Сильвия, мать Ромула и Рема; Гостилий, храбрый воин и верный соратник Ромула; Фаустил, смотритель царских стад; Акка Ларенция, супруга Фаустула; Герсилия, супруга Гостилия, а после гибели последнего – супруга Ромула. Но не буду здесь утомлять тебя, читатель, перечислением многих и многих персонажей легенды, этого списка достаточно. Об остальных ты впервые узнаешь, прочтя эту книгу. А сам сюжет книги целиком основан на некоторых исторических фактах и на легендарных событиях, которые можно найти у древних авторов. В основе повествования – красивая и где-то романтическая, а где-то – драматическая легенда об основании Рима.

Так вот, и это исторический факт (что подтверждается многочисленными археологическими раскопками): в восьмом веке до новой эры на территории Центральной Италии, в регионе Лаций (Лацио), по обоим берегам Тибра (Альбулы), на холмах и около озер уже существовали примитивные поселения пастухов и земледельцев. В этих поселках проживали италийские племена сабинов, латинов и других народов Апеннинского полуострова. А кое-где на холмах Лация селились и этруски – могущественный народ, который переживал период своего неуклонного подъема в экономике, политической жизни и в культурной сфере. И научно доказано, что эти примитивные поселки, подчиняясь закону образования городов, слились в единый центр ремесла и торговли в ту эпоху – город. Именно разделение ремесла и сельского хозяйства, ремесла и торговли приводило к появлению городов. Рим, как признали ученые и эрудиты, интересующиеся историей Вечного города, не возник в один прекрасный день, как считали некоторые древние исследователи. Например, римский энциклопедист Варрон привел дату основания города – 21 апреля 753 года до новой эры. А Ливий писал, что время царствования Ромула составляет отрезок от 753 года до новой эры по 717 год до новой эры. Но все эти даты условны – Рим, вероятнее всего, становился городом постепенно, по мере развития ремесла и торговли, увеличения населения и создания административных структур. Что касается основателя Рима, то этот персонаж легендарный или полуполулегендарный, в общем плане, это герой-эпоним, который давал имена городам, водоемам и местностям (Кий – Киев, Эгей – Эгейское море, Пелоп – Пелопоннес и другие). Здесь прослеживается аналогия имени Ромула и римлян с латинской общиной рамнов, имени Тация – с сабинской общиной тициев. А луцеры – возможно, этруская община, что проживала в регионе тогдашнего Лация. Получается, что Рим был образован из поселков, в которых проживали три вышеперечисленные общины. Что касается знаменитой капитолийской волчицы, то это, очевидно, племенной тотем (животное – покровитель рода или племени). Так, латины почитали волчицу, самниты – быка, пицены – дятла и т. п. И здесь элементы тотемизма тесно переплетаются с другими пережитками первобытности – анимализмом, анимизмом. Этрусский герой Лукумон – собирательный образ, олицетворял собой типичный пример этрусского знатного человека – лукумона. И, очень даже вероятно, что это нарицательное имя появилось от названия этрусской

общины луцеров, ну или наоборот. Как видишь, критический подход перевешивает романтическое настроение, передаваемое от красивой легенды. Возможно, что римляне, не зная досконально историю самых первых лет и веков своего города или же стараясь возвеличить Рим и приписать себе божественное происхождение, желательно от греческих богов, просто придумали красивую историю, которая и стала легендой. Вот пример: Энея, сына Венеры и троянца (почти грека), римляне считали своим прародителем. И так легенда с героическими персонажами, приключениями, вмешательством богов заменила реальную, тривиальную историю с ее мелкими и спорными фактами; заменила историю обыденную, историю становления государственности, подобную другим, что родились в недрах бронзового и железного века. И легенда об основании Рима весьма подобна легендам о Моисее, Будде, Гильгамеше, Энее, Тесее, в которых также присутствуют бродячие мотивы (странствия, мотив брошенного в реку младенца, мотив мести, основание мировой религии или крупного города). И все это дает понять, что легенда об основании Рима – в значительной степени вымысел, но в этой легенде есть историческое ядро, которое очень трудно выявить. Это маленькое ядро, пожалуй, ядрышко достоверных фактов, обросшее большим количеством невероятных мифов и легенд, которые передавали устно из поколения в поколение сказители и поэты тех давно ушедших времен.

Так вот, когда я обратился к моим основным источникам, которыми были Тит Ливий, Плутарх, Дионисий Галикарнасский и Аврелий Виктор, то я, изучив их, предался романтическим измышлениям: а что если рассказать читателю историю об основании Рима, переданную через призму мифов и легенд, такую, какой ее представляли себе древние римляне, далекие от критических изысканий, характерных для современного ученого? И вот у меня получилась не чисто историческая повесть, а эпическая сага с элементами фантастики. Да и простят меня античные авторы, но у меня возникло искушение полностью сохранить стилистику и оригинал их цитат. Конечно, это компиляция, но к моей чести, я указал в конце книги своих информаторов. Причем такая практика по отношению к давно почившим писателям существует давно, и кстати, компиляция иногда дает возможность использовать копии, если оригиналы утрачены.

Но у тебя, читатель, по мере чтения книги может появиться нота недоумения: отчего автор так много внимания уделил явлениям природы, погоде, представителям фауны? Отвечу любопытному читателю искренне: дело в том, что древние жители Италии были язычниками, они не ставили непреодолимую стену между человеком и природой, как христиане и адепты других мировых религий. Природа в представлении древних италийских племен, как и греков, к которым они были близки по духовной культуре, была одушевленной, и ее олицетворяли различные божества: Юпитер, Нептун, Диана, Вулкан, Церера, нимфы и сатиры и другие сверхъестественные силы. И божества, управляющие погодой, как Юпитер (Дий), он же Зевс, Нептун (Посейдон), Вулкан (Гефест) вели себя как люди: радовались, гневались, любили, ненавидели, дрались и мирились. Такое поведение богов нам хорошо известно из мифов писателя Николая Куна, если ты читал в детстве его маленькие книжки с интересными картинками. В других цивилизациях мы тоже находим аналогичные примеры. Например, в древнем Египте боготворили навозного жука-скарабея или нильского крокодила и приписывали им сверхъестественные способности. Более того, древние поклонялись даже неодушевленному, с точки зрения современного человека, предметам: деревьям, камням, рекам и т. п. Но разве можем мы себе представить подобного рода культы анимализма в христианстве или исламе? К тому же, я стремился разбавить сюжет, изобилующий часто жесткими сценами, которые привносят в жизнь военные конфликты и политические интриги, яркими идиллическими картинками из сельской жизни, своеобразными «пасторальями», как у грека Феокрита. В итоге напряженный сюжет из человеческих страстей, особенно в городской среде, иногда перемежается описаниями пастушеских сенок и животного мира. Основу легенды об основании Вечного города я сохранил, но привнес в сюжет и свои выдуманные события и персонажи, которые тем не менее не искажают полностью картины популярной легенды – сюжет в основе остался тот же. И еще. Я

использовал кое-какие данные из популярной литературы и историографии, но немного. Здесь следует особо упомянуть ценное произведение выдающегося антиковеда С. Ковалева «История Рима».

А вот что касается соответствия греческих имен с римскими. Вообще, вопрос о мифологии, причем в древнейшее время, очень спорный. Ведь, как известно, римляне в мифологии, письме, философии, праве многое заимствовали у эллинов (греков). У этрусков же – военную организацию, гладиаторские бои, градостроительство. В древнейшую эпоху многие ритуалы и божества, заимствованные из Греции, носили оригинальные имена. Даже римские авторы, которые писали на латинском языке, часто упоминают греческие имена и термины. Поэтому, чтобы не запутаться с языческими богами в сюжете, в конце я привожу в помощь словарь-гlossарий с пояснениями в области греко-римской терминологии.

Итак, вперед, в путешествие во времени и пространстве, и да помогут тебе боги, о путник!

С уважением, Даниил Муха.

Пролог

Много мутной воды в Тибре утекло с тех пор, когда на италийской земле высадились пришельцы откуда-то с востока. И однажды в Альбе-Лонге стал править благочестивый царь Прока. Этот царь имел двух сыновей – Нумитора и Амулия. Очевидно понимая и чувствуя, что дни его сочтены, дряхлеющий правитель Альбы-Лонги велел выложить на открытом пространстве знаки царской власти, а поодаль от них выставить кучу сокровищ. Вокруг же всего этого добра были собраны коровы и овцы, приведенные с необъятных пастбищ Италии. Вперемежку с блеянием и мычаньем скота тихо скрипел слабеющий с каждым новым днем голос царя.

Прока обратился к своим сыновьям:

– Чада мои! Все мои сокровища я разделил согласно обычаю поровну между вами. Тебе, Нумитор, как старшему, предоставляю право выбирать первому.

Первый сын Проки, недолго думая, водрузил себе на голову корону, а в руки взял другие царские регалии. На лице второго сына засветилась недобрая усмешка: Амулий прекрасно осознавал, что с таким несметным богатством, какое досталось ему, нетрудно будет захватить трон Альбы.

Прока же медленно поднялся и произнес, стараясь повысить голос:

– Дети! Вот ваш выбор на всю вашу жизнь, и строго следуйте моим заветам. И будьте, – умирающий царь сделал небольшое усилие, – мудрыми и справедливыми правителями, любите друг друга и не обижайте своих подданных!

И через мгновение его не стало, а его сыновья, плача и склонившись над ним, закрыли ему глаза, уже безжизненно глядевшие в бесконечность, куда отлетела душа царя Альбы-Лонги.

1 Воцарение тирана

Над Альбой-Лонгой сгустились сумерки. Они медленно спускались на холмы и поселки около города. К тому же из болот поднялся туман и покрыл окрестности, словно саваном. Где-то на холмах тоскливо завывали волки, с пронзительными криками пронеслись летучие мыши. Вой волков, казалось, не предвещал ничего хорошего этой благодатной земле. Имя этой земле – Италия. То был центр Италии, это были окрестности старинного города Альбы-Лонги. Этот город, как считали римляне много столетий спустя, был основан (правда, не все этому верили) Асканием, сыном Энея. А от сына Аскания, Сильвия, и пошло название рода – род Сильвиев. Поговаривали, что сын Аскания был рожден в лесу, в окрестностях Альбы-Лонги. Именно здесь потомки Энея, беглеца из погибшей Трои, нашли свою вторую родину. Но пришло время перемен: на смену одним правителям Альбы-Лонги приходили другие, прошло много-много лет...

И вот пришло время править двум братьям – старшему, Нумитору, и младшему, Амулию, которые происходили из рода Сильвиев. Эти два брата жили и царствовали в незапамятные времена. По отношению к Асканию, основателю Альбы-Лонги, Нумитор и Амулий были его потомками в тринадцатом колене.

На небе сверкали звезды; была теплая погода; в самом городе и поселках вокруг него было тихо: народ и власть имущие собирались ко сну. Только в самом большом здании, похожем на дворец правителя, было ещё довольно оживленно. По тем временам это был действительно дворец. Правда, он был небольшого размера, но его выгодно отличала каменная кладка, да и вокруг были многочисленные хозяйственные постройки из дерева, бережно обмазанные глиной: амбары, конюшни, казармы, складские помещения. Впрочем, в сгущающейся все больше и больше темноте было трудно различить мелкие детали дворца, окружающих его построек и глиняных хижин простых жителей.

Вдруг поднялся сильный ветер и грянул гром такой силы, такой невообразимой силы, что все задрожало вокруг; казалось, небо задрожало и затрепетало! На Альбанском озере появилась сильная рябь; зашумел и застонал камыш; кроны деревьев в лесу закачались. И тут же сверкнула молния, да так ослепительно, что на миг озарила вспышкой заснувший город и его окрестности. А потом полил дождь, сильный дождь, даже ливень, и опять вся местность погрузилась в беспросветную тьму. Дождь нетерпеливо забарабанил по черепичной крыше дворца и по соломенным крышам простых домов. Казалось, сам Юпитер заявил о себе, негодуя на дела людские, если не замедлил послать ненастную погоду, подкрепляя это своим знаком – молнией. Такая ненастная погода продолжалась всю ночь. Некоторые из жителей не могли заснуть; они просили богов о милости и приносили им жертвы: снопы с зерном, тушки ягнят или корзины с фруктами – и воскуряли ароматические смолы.

Потом прошла короткая летняя ночь и наступило утро. И опять природа успокоилась: выпала роса; по небу понеслись облака, словно куски ваты, стараясь обогнать друг друга; угомонились волки, как будто утолив мучивший их голод. Поверхность Альбанского озера заблестела на солнце, затихли камыши, да изредка пролетали птицы. Простые жители, хотя и измученные от бессонной ночи, но тоже успокоились, и только во дворце можно было заметить суету многочисленной прислуги и лихорадочные приготовления к чему-то важному.

В главном зале на троне с важным, но мрачным видом сидел царь. У него было задумчивое лицо; маленькие злые глазки уставились на перстень на правой руке и на регалии царской власти, а левой рукой царь подпирал массивный подбородок. Это был Амулий, младший из братьев, сын царя Проки, который теперь занял царский трон. Он размышлял. Что делать дальше? Он вчера отдал приказ убить сына Нумитора и его родню, его самого заключил под стражу, но что делать с Реей Сильвией, дочерью Нумитора? Амулий, как человек, пре-

ступивший моральные нормы, теперь боялся мести со стороны будущих сыновей Реи Сильвии, ведь те непременно будут любимыми средствами мстить за смерть ближайших родственников. Кровная месть – дело нешуточное, особенно если речь идет о роде Сильвиев. При мысли об этом по измученному бессонной ночью лицу пробежала дрожь; Амулий передернул плечами, встал и прошелся взад-вперед, чтобы успокоиться. Сказать по-честному, Амулий был трусом, но жажда власти и природная жестокость взяли свое – и вот он на троне Альбы-Лонги.

Несколько минут назад у Амулия была его дочь Анто, которая просила царя не убивать Сильвию. Анто не хотела терять близкую подругу детских лет – она очень привязалась к ней. Удивительно, но просьба умолявшей о царской милости Анто заронила в черствое сердце жестокого Амулия искорку жалости. И тиран-убийца Амулий сдался. Теперь он спрашивал себя, не проявил ли он слабости, дав себя уговорить, пусть даже родной дочери. Царь снова сел в кресло, которое ему нравилось; нравилась ему и обстановка во дворце; нравилась ему и лесть, и то, какой трепет он внушал многочисленной челяди, – он наконец-то почувствовал вкус власти, настоящей власти. Ибо что значат для тебя несметные богатства, если ты не царь. И теперь Амулий имел и то и другое. Но тревога за свою жизнь терзала его душу: он велел закрывать дворец и никого не пускать без предупреждения, он окружил себя многочисленной стражей. Но, как бы то ни было, не чувствовал себя в полной безопасности. Амулий тяжело вздохнул и вновь уставился пристальным взглядом на царские регалии. Теперь он вспомнил, какая ужасная погода была этой ночью, словно природа, которую олицетворяли боги, выражала недовольство; появилось ощущение, что Юпитер требовал мщения за убийство невинной жертвы и узурпацию царской власти.

– О царь мой, да будет благословенно имя твое! – раздался дрожащий голос со стороны входа в тронный зал.

– Как ты смел войти без предупреждения, презренный! – вскипел, сжав кулаки, Амулий. На его лице, только что бледном от нервной ночи, появились багровые пятна.

– Прости своего недостойного слугу, о царь, но ты не слышал моего стука в дверь, и я забеспокоился, как бы не случилось чего-нибудь ужасного с тобой, – промямлил придворный, ползая на коленях. – К тому же ты велел привести к тебе твоего брата и твою племянницу.

Амулий взял себя в руки и произнес:

– Пусть войдут! А ты можешь идти.

Придворный раскланялся и, бормоча слова благодарности, поспешно удалился. Тут же в тронный зал, расписанный фресками, вошли Нумитор и Рея Сильвия, правда, не одни: с ними была стража, а сами родственники Амулия были закованы в цепи – до того Амулий их боялся.

Нумитор был старше Амулия, но выглядел не по годам лучше брата. В отличие от нервного Амулия, Нумитор держался, несмотря на гибель сына и бессонную ночь, как подобает настоящему царю. Он был крепкого телосложения, с красивым лицом и добрыми глазами, которые, казалось, испускали животворящее тепло. Он стоял, выпрямившись во весь рост, а не сутулясь в плечах, как его младший брат.

Рея Сильвия была молодая и красивая девушка довольно стройного телосложения, с длинными и светлыми волосами. Она была бледна и тихо рыдала, прижимаясь к отцу.

Молчание прервал Нумитор, который держал свою дочь за руки.

– Как ты посмел, брат, нарушить отцовскую волю? Мы разделили наследство нашего рода Сильвиев. Разве тебе, Амулий, – голос обычно спокойного Нумитора повысился, – недостаточно было богатства? – и Нумитор пристально и с укоризной посмотрел на своего брата.

Хитрый и изворотливый Амулий уже знал, что сказать такому бесхитроственному человеку, как Нумитор. Тем не менее он старался не смотреть ему прямо в глаза, его взгляд все время блуждал где-то под потолком.

– Я так пожелал, – был ответ Амулия, – я хотел в одних руках соединить богатство и власть. Мне кажется, что это будет лучше для Альбы. Я сделаю этот город самым могуще-

ственным на нашей земле! – при этих словах голос Амулия загремел, а его руки, крепко сжимая царские регалии, поднялись вверх.

Тут вмещалась Рея Сильвия, голос ее дрожал от переживаний, она всхлипывала:

– Но зачем ты заковал нас в цепи?! Ты, как незаконный тиран, боишься мщения?!

– Успокойся, моя племянница, я отпущу твоего отца на волю и дам ему жилище и слуг. А что касается тебя, я отдам тебя в весталки, – поглаживая бороду, усмехнулся Амулий.

– Меня? За что? Я не заслуживаю этого, – плача, сказала Рея Сильвия.

– Это воля богов, – даже не моргнув глазом, сухо и отрывисто произнес узурпатор. – Я видел сон, в котором ко мне явилась богиня Веста. Так вот, она пожелала, чтобы я отдал тебя в весталки. Ты будешь служить этой богине. Воля богов – закон для нас всех, не так ли? – с важным видом и нараспев ответил Амулий.

– Ты узурпатор, убийца – боги тебя покажут! – не сдержалась Рея Сильвия.

– Это ты о своем брате Эгесте? – парировал в ответ Амулий. – Мои слуги мне сказали, что на охоте с ним случился несчастный случай: его затоптал огромный кабан, после того как он упал с коня.

– Это правда? – вошел в разговор немногословный Нумитор, прижимая к себе и успокаивая рыдающую дочь.

– Истинная правда, брат мой, – с этими словами Амулий поднялся с трона. – А теперь я вынужден удалить вас из этого зала: у меня важные государственные дела.

Он крикнул на стражников, те повиновались, и вновь Амулий остался один. Тут же после ухода родственников узурпатора в дверь зала постучали.

– Войдите! – скрипучий голос Амулия на этот раз был властен.

– Мой царь, я пришел исполнить твое приказание, да будет благословенно имя твое! – проговорил начальник стражи, падая ниц.

Амулий посмотрел на стражника сурово и отрывисто произнес:

– Нумитора отправить в ближайшую деревню и как следует приглядывать за ним, а Рею Сильвию отдать в служение Весте и везде присматривать за сопливой девкой! – властный голос Амулия задрожал от ярости.

– Будет исполнено, повелитель, и да живи ты счастливо! – поклонившись, начальник стражи вышел.

Нервный Амулий не остался спокойным, он подошел к окну и посмотрел на город сверху. Ему не давали покоя угрозы Реи Сильвии. А что, если кара богов действительно обрушится на его голову? Ведь он, Амулий, незаконно присвоил царскую власть, да и велел убить своего племянника.

Город внизу был похож на муравейник: освещенный солнцем каменный дворец стоял в середине, возвышаясь над дворцовыми постройками и глиняными хижинами простых жителей. Между домами – кривые, узкие улочки, а вдалеке за крепостными стенами простирались возделанные поля и деревни. И все это принадлежит ему, Амулию, подумал он удовлетворенно. Царь Альбы-Лонги криво улыбнулся – вот какова власть верховного правителя!

Вдруг в окно впорхнула летучая мышь и, тяжело размахивая крыльями, забила в темный угол тронного зала. Летучая мышь в солнечный день, в самый полдень! Суеверный царь, как и многие жители в те древнейшие времена, испугался. Амулий попытался ее прогнать, используя царский жезл, но безуспешно: летучая мышь старалась держаться под самым потолком. При этом она, сверкая красными, похожими на рубиновые камни, глазами, издавала громкие и пронзительные крики.

Успокоившись и подумав немного, суеверный узурпатор отдал приказ принести богам искупительные жертвы, чтобы смыть с себя кровь родичей.

Спустя некоторое время, после того как желание царя было выполнено, мышь внезапно исчезла, словно испарившись в воздухе.

2 На службе у богини

Прошло некоторое время. Было ясное весеннее утро, и в проснувшемся городе закипела своя жизнь. На окраине города находился каменный алтарь в виде цилиндра, посвященный богине Весте. Вокруг алтаря были колонны незатейливой формы, которые по бокам поддерживали деревянную крышу в форме конуса. Альба-Лонга издревле была одним из центров поклонения Весте – богине домашнего очага и покровительнице женщин. Эта древняя богиня очень почиталась в здешних местах: существовал довольно сложный культ, главными действующими лицами которого были весталки, руководимые Великой весталкой и самим царем Альбы-Лонги.

Рея Сильвия проснулась от сильного толчка в плечо, открыла глаза и увидела свою наставницу, одну из самых опытных весталок. Было довольно рано, Рее Сильвии хотелось спать, но ничего не поделаешь – нужно выполнять свои обязанности. Пригревало весеннее солнце, на крыше чирикали воробьи да вальяжно расхаживали голуби. Весталка, которая всю ночь неусыпно следила за священным огнем, передала Рее Сильвии эту обязанность, а сама удалилась на отдых. Священный огонь располагался в центре маленького помещения, цилиндрического по форме и совершенно чистого. Весталки, помимо поддержания огня, выполняли и другие обязанности: содержали помещение в идеальной чистоте, совершали жертвоприношения местным духам и охраняли медные и каменные символы богини Весты на постаменте. А самое главное – весталки довольно длительное время сохраняли обет целомудрия, нарушение которого каралось смертной казнью, несмотря на то, что весталки были особами неприкосновенными. Из непорочных девушек знатного происхождения, родители которых проживали здесь, царь выбирал несколько весталок, и Рея Сильвия стала одной из них.

Дочь Нумитора было нелегко узнать: ей во время обряда посвящения обрезали волосы, которые потом повесили на священном дереве как пожертвование богине. Самой Рее Сильвии взамен царской одежды выдали длиннополую белую одежду, которая скрывала фигуру весталки с ног до головы. А голову весталки покрывала повязка, из-под которой спускались отросшие волосы в виде кос. Впрочем, косы во время жертвоприношения весталки тщательным образом прятали под покрывалом.

Рея Сильвия молча выполняла приказания наставницы, помогала ей в алтаре и вдобавок училась сложным обрядам, которые ей было предписано проводить. Ей приходилось беспрекословно выполнять все приказы старшей по возрасту и рангу весталки, но она терпеливо переносила трудности служения, как подобает добродетельной женщине.

Однажды Рея Сильвия, выполнив свою работу и передав ее другой ученице, попросила разрешения прогуляться немного в саду, окружающему территорию храма. Выйдя из дома весталок, Рея Сильвия зажмурилась от яркого солнца: несколько дней, проведенных в полумраке храмового помещения, дали о себе знать.

В саду цвели цветы: на земле, на ветках деревьев, на кустарниках. Дом весталок по соседству с алтарем, казалось, утопал в цветах. Птицы носились повсюду, весело щебеча, и буквально задевали крыльями верхушки небольших деревьев и кустарников. Думалось, как хорошо живется на этой благодатной земле! Но одно обстоятельство не давало покоя душе: Рея Сильвия не могла смириться со своей долей весталки. Она, царская дочь, беспрекословно выполняет указания старшей весталки, она словно служанка в этом храме! В ней вдруг заговорила фамильная гордость старинного рода Сильвиев. И куда только делась послушная и скромная девушка, которая с боязнью озиралась на свою строгую наставницу! Побег – вот что нужно сделать, побег поможет ей вырваться на свободу!

С этими мыслями Рея Сильвия стремительно устремилась к единственной калитке, которая обеспечивала доступ на территорию храма. Вся территория была отгорожена высокой дере-

вянной оградой, которую дополняли высокие деревья. И вот калитка! Но калитка, конечно, была заперта. Рея Сильвия с силой дернула ее, но та не поддавалась. Тогда девушка сбросила неудобное покрывало, ухватилась двумя руками за край высокой ограды, стремясь найти выступ на ней или ветку дерева, которые помогли бы ей перелезть через ограду, отделяющую ее от простых жителей Альбы-Лонги, от придворных служанок, от ее отца Нумитора, бывшего теперь в опале! Она побежит к нему, и тогда – горе Амулию! Но не тут-то было – громкий окрик стражников заставил ее вздрогнуть.

Раздался голос одного из них, судя по властному голосу, старшего:

– Прежде чем бежать, подумай хорошенько, девица! Хоть ты из царского рода, тебе это не сойдет с рук!

Рея Сильвия услышала скрежет ключа в замочной скважине, калитка отворилась, и внутрь вошли три стража.

Обладатель властного голоса, произнес:

– Знай же, легкомысленная девица, что нам, стражам, поручено не выпускать тебя за территорию храма Весты. Таков царский приказ!

И с этими словами стражник громко расхохотался. Рея Сильвия ничего не ответила, она поняла бесплодность своего плана бегства. Гордо подняв голову, она повернулась и зашагала по направлению к дому весталок.

Оставшись в одиночестве в своей комнате, гордая дочь законного царя тем не менее не выдержала и зарыдала, распустив волосы. Вдруг в ее комнату вошла одна из весталок, старше ее по возрасту, и спросила, почему она так горько плачет.

Рея Сильвия выдавила из себя:

– Ах, оставь меня, прошу. Все равно ты не поможешь моему горю.

Та молча погладила ее теплой рукой по голове, вытерла ей слезы краем длинного покрывала и вышла.

Однажды, а это было зимой, Рея Сильвия по приказу наставницы отправилась в священную рощу Марса за водой для совершения обрядов, ее сопровождала одна из весталок. Священная роща с родником находилась недалеко от Альбы-Лонги, в холмистой местности, поросшей лесом. Выйдя из калитки, которую ключом отворила Великая весталка, Рея Сильвия увидела стражников (разумеется, стражники сменяли друг друга спустя некоторое время). Те расположились спереди и сзади двух весталок, улыбаясь и подмигивая девушкам.

– Не обращай на них внимания, мы – особы неприкосновенные, просто этим мужланам скучно, вот они и скалят зубы, – успокоила напуганную спутницу Рея Сильвия. А сама она не теряла достоинства, как и подобает царской дочери.

– Не задерживайтесь! Возвращайтесь как можно скорее! – крикнула им вслед Великая весталка. А потом строго посмотрела на стражников и приказала:

– Охраняйте жизнь и честь весталок! Если что-нибудь с ними случится, то отвечать будете вы!

И, сверкнув глазами, удалилась.

Девушки и стража пошли по узкой тропинке, что вела к городским воротам. Зимний день не очень удался: накрапывал слабый дождь, на небе было немного облачно, солнце светило как-то странно тускло. А город был довольно оживлен: всюду сновали торговцы, расхваливающие свой товар; ремесленники, спешащие для выполнения заказа; иногда невозмутимо проходили группы вооруженных воинов; где-то с волами шли крестьяне на обеденный перерыв. И над всем этим простонародьем возвышался дворец, в котором теперь торжествовал тиран Амулий. При мысли об этом у Реи Сильвии сжались кулачки, прилила кровь к лицу, но девушка, стремясь совладать с собой, тряхнула головой, чтобы прогнать прочь мысли о дяде-узурпаторе. Она с другой весталкой вышла за городские ворота, а стражники не отставали от них.

Спустя некоторое время они подошли к роще, посвященной богу Марсу. Роща из различных деревьев, почти без листьев, приняла их немного холодно. Ветви чуть шумели от слабого ветерка, певчие птицы притихли. Внезапно, в тот момент, когда весталки и стражники вошли в рощу, дневная луна полностью накрыла на небе солнце. Все вокруг погрузилось во тьму, да так, что на расстоянии протянутой руки ничего нельзя было увидеть. Вдруг где-то завыл волк, у стражников побледнели лица, они приготовились к возможному нападению – выставили вперед копья. Девушки тоже растерялись, они про себя зашептали молитвы, могущие защитить их от злых духов. Спутница Реи Сильвии, напуганная, начала взбираться на первое попавшееся дерево, подобно кошке.

Спустя несколько мгновений потемнело еще сильнее; мрак в густой роще окутал весталок и сопровождающих их стражников плотной пеленой. Рея Сильвия в какой-то момент поняла, что осталась одна. Ей тоже было страшно, она подняла вверх пустой сосуд, как будто собираясь защищаться им. Вдруг на плечо Реи Сильвии опустился большой дятел красноватого цвета. Девушка тут же смахнула птицу с плеча, но дятел не отставал. Он, рискуя крыльями задеть лицо девушки, запорхал над её головой и, кажется, указывал ей дорогу. Рея Сильвия, повинувшись инстинкту, последовала за странной птицей. Так она прошла несколько шагов, и неожиданно тьма стала рассеиваться. Корона солнца, немного показавшегося из-за луны, открыла взору весталки окружающую картину. То был родник, на который они отправились за водой, но вокруг никого не было – дятел тоже исчез. Внезапно из-под земли показалось сильное пламя с каким-то синеватым отблеском, и это пламя увеличивалось в размере, пока не превратилось в огненное ожерелье размером в человеческий рост. Звук от пламени был как при потрескивании дров в костре. От этого полыхающего ожерелья исходил жар, а вокруг него было светло, почти как на закате солнца.

Из огненного ожерелья вышел воин в доспехах, но без шлема, с мечом на копье в правой руке. И тут же грянул раскатистый гром, сверкнула молния, озарив окрестности, но сильный дождь, как ожидалось, не хлынул. Воин в доспехах был бородатым мужчиной могучего телосложения, на плече у некоторого удобно расположился тот самый дятел, которого – Рея Сильвия видела ранее. А рядом с вооруженным воином, под рукой у него, – о, ужас! – горделиво присел на задние лапы огромный волк. Глаза у волка светились в полумраке каким-то фосфорическим блеском, шерсть на голове и конечностях у волка отливала красноватым цветом, а туловище было черным.

Мужчина в доспехах подошел ближе к весталке; его глаза сверкали подобно молнии, но выражение лица не было свирепым, как обычно у воинов.

Рея Сильвия отступила на шаг, первой нарушив тягостную тишину:

– Кто ты такой? Что тебе нужно?

Воин в доспехах поднял вверх брови и воткнул копье заостренным концом в землю – и тут же гром с молнией стихли. Похоже, незнакомец не имел враждебных намерений, но тогда, что ему нужно от нее, подумала Рея Сильвия.

– Не бойся, девица, я не сделаю тебе ничего плохого, ибо я пришел дать твоим потомкам возможность отомстить узурпатору Альбы-Лонги. И дать начало великому городу, величайшему из существовавших когда-либо, – был громкий ответ, который по тону напоминал раскаты грома.

– Но кто ты, ради всех богов, скажи, что ты за человек?! – вырвалось у Реи Сильвии.

На лице у могучего воина появилась улыбка:

– Я не человек, я бог, а имя мне – Марс. Скажу тебе: у тебя будет потомство, которое через много лет будет править миром.

– Но я весталка, я не имею права знать мужчину близко до тридцати лет, – возразила девушка, – хотя и была я отдана в весталки насильно.

Марс рассмеялся, но не злобно, а спокойно, как подобает божеству:

– Для бога нет ничего невозможного.

С этими словами он протянул вперед руку с раскрытой ладонью. Девушка почувствовала, как будто вступает в ласковые объятия сна; голова у нее свалилась на грудь, и она упала бы, не подхвати Марс ее бережно руками.

– Это твоя судьба, Рея Сильвия, – были последние слова, которые услышала девушка перед тем, как сладкий сон смежил ей веки.

Недолго проспала Рея Сильвия, и ей приснилось, будто в роще выросли две абсолютно одинаковые пальмы. Амулий же, увидев это, взял топор, чтобы срубить их, но подоспевшая вовремя волчица и налетевший дятел не дали узурпатору возможности уничтожить пальмы.

Где-то вдалеке завывали волки, в священной роще заметно похолодало. От волчьего воя девушка проснулась, вздрогнув одновременно от ужаса и холода. Вокруг не было ни души, и того, кто назвал себя Марсом, тоже не было. Вдруг в низине показались волчьи головы, потом из полумрака рощи выступили животные целиком – и вот девушка оказалась лицом к лицу с этими хищниками. Рея Сильвия закричала, пытаясь позвать на помощь случайных прохожих, но ответом было лишь звонкое эхо. Сердце Реи Сильвии тревожно забилося, волки приблизились, но – о чудо! – даже не притронулись к онемевшей от страха девушке. Они спокойно прохаживались вокруг Реи Сильвии, будто охраняя весталку от посягательства врагов; некоторые из хищников присели рядом и смотрели на теперь уже удивленную девушку кроткими глазами, временами радостно виляя хвостами. Совсем как домашние животные, подумалось девушке.

Но вот послышался шум, из полумрака показались копыта, а вслед за ними и стража, что несла оружие, – та самая стража, которая сопровождала весталок до родника. Волки преспокойно удалились в темноту, стража их даже не заметила. Подоспела и другая весталка, и все они: и стража, и весталка – осведомились о состоянии Реи Сильвии. Получив положительный ответ, все успокоились; весталки набрали родниковую воду в чудом уцелевшие кувшины и отправились, сопровождаемые охраной, в город.

Там уже начали беспокоиться за судьбы двух весталок; уже были высланы поисковые отряды, даже нашлись добровольцы: пастухи, охотники и прочий народ – и все они старательно прочесывали окрестности Альбы-Лонги. Великая весталка и Амулий впали в беспокойство, постоянно осведомляясь у подчиненных о ходе поисков. Однако виновники городского переполоха сами вернулись в город, нисколько не смущаясь растерянных людей. Весталки гордо, с набранной в кувшины водой, проследовали на территорию храма Весты. Калитка в воротах за ними захлопнулась, а стража осталась снаружи, дожидаясь смены караула.

– Почему вы отсутствовали так долго?! – с этими словами Великая весталка буквально набросилась на виновниц переполоха. – Сейчас уже вечер, тогда как вы отправились в рощу Марса, когда солнце находилось высоко в небе!

– Мы заблудились, и да простят нас милостивые боги! Мы попали в странное место, где нас окутал дым, шедший из-под земли, а потом мы потеряли друг друга, – ответила Рея Сильвия, как старшая по возрасту.

– Это правда? – задала вопрос подозрительно смотрящая на них Великая Весталка.

– Так все и было, – был ответ Реи Сильвии, а весталка моложе ее утвердительно кивнула головой.

– Тогда поклянитесь именем Весты, что вы говорите правду, в противном случае вас ждет кара богов! – требовательный голос Великой Весталки громко прозвучал по всему помещению. – Вы знаете, что вас ждет в случае прелюбодеяния: вас закопают живьем, а соблазнитель – засекут до смерти!

Две весталки незамедлительно принесли клятву, и наставница их отпустила. Девушки вернулись в свои комнаты в доме весталок.

– На все воля богов, – вздохнула Великая весталка, поправляя свое одеяние и напоследок заглянув в алтарь, чтобы лично проверить состояние священного очага. Дежурная весталка, не смыкая глаз, сидела рядом с огнем. Наставница строго посмотрела на нее и молча удалилась.

3 Рождение

Прошло некоторое время после того, как Рея Сильвия стала весталкой в штате служителей богини Весты. Однажды Рея Сильвия, под строгим надзором Великой весталки и других опытных наставниц, вместе с прочими принесшими обет весталками купалась в Альбанском озере, которое находилось чуть севернее Альбы-Лонги. Погода была чудесная, какая обычно бывает в Центральной Италии в конце лета. В полдень было очень жарко, и весталки, прикрытые лишь кусками материи, растянулись на берегу озера, закрытого с трех сторон густыми камышами, и отдыхали с блаженным видом. На лужайке гудели насекомые, в воде квакали лягушки, иногда показывались утки и другие водоплавающие птицы. Рея Сильвия находилась чуть поодаль от других – девушка расчесывала себе волосы. Вдруг она почувствовала легкое движение в животе, а затем и слабые толчки. Девушка присела и застонала от отчаяния – она ждет ребенка! Но кто это мог сделать? Ведь она ведет целомудренный образ жизни, она весталка, в конце концов! И в эту минуту, словно прочтя ее мысли, какой-то приятный мужской голос, кажется со стороны камышовых зарослей, произнес ей шепотом:

– Не бойся, Рея Сильвия. Те, которых ты ждешь, станут спасением для трона Альбы-Лонги, они сотворят новый город и откроют новую эру человечества. Этот будущий город по могуществу будет соперничать с самими богами. Береги тех, кто находится в твоём чреве.

– О, скажи мне, во имя богов, кто ты? – тоже шепотом произнесла немного изумленная девушка, постепенно осознавая всю важность происходящих с ней событий, – ведь Великая весталка была недалеко и могла подслушать их разговор.

Из камышовых зарослей донеслось:

– Я вестник, которого послали предупредить тебя. И теперь береги себя и никому не говори о плоде, что носишь в себе.

Невдалеке показались другие весталки. Заметив приближающихся девушек и наставницу, некто в камышовых зарослях удалился. А девушка, встав, направилась по направлению к девушкам, подругам по служению.

– Что случилось, Рея? – ласково спросила одна из весталок, заметив бледный цвет ее лица.

– Ничего страшного, просто немного перепугалась – после долгого пребывания в храме окружающий мир кажется огромным и даже пугающим.

Девушка обняла Рею Сильвию за плечи:

– Что на тебя нашло? Посмотри, какая прекрасная природа вокруг и какой чудесный день сегодня! Пошли, наша строгая наставница ждет нас!

И они все, смеясь и подпрыгивая, понеслись вверх, покидая берег, на полевою тропинку, где их ждала Великая весталка.

Уходя, Рея Сильвия не заметила, как из камышовых зарослей поднялось облачко, из которого медленно показалось тело какого-то юноши, одетого в плащ, в сандалии со странными шпорами, похожими на крылья, и в шлеме, тоже с крыльями. В руке этот странный юноша держал жезл с переплетенными змеями и крыльями на его верхушке. Потом вестник богов воспарил на облачке на большую высоту и скрылся из виду.

Со временем Рею Сильвию становилось все труднее скрывать свою беременность ввиду того, что ее животик заметно округлился; надо было что-то придумать. И Рея Сильвия нашла выход – она притворилась больной и почти не выходила из своей комнаты в доме весталок, а если и выходила, то непременно надевала сверху легкой одежды накидку из шерсти. Она искусно изображала на лице болезненное состояние, якобы вызванное болотной лихорадкой или малярией: дескать, она подхватила заразу, когда купалась в Альбанском озере. И что инте-

ресно, все ей верили. Так продолжалось долго: дни и ночи сменяли друг друга, потом прошло еще некоторое время.

Однажды в ее комнату без стука вошла какая-то немолодая женщина. Рея Сильвия недовольно посмотрела на нее и спросила:

– Ради всех богов, что тебе нужно? И почему ты вошла без стука? Ведь я же просила всех не беспокоить меня – я больна.

Женщина была хорошо одета, на плечах был пурпурный плащ, а на ее руках красовались медные браслеты и кольца.

Она ответила:

– Я пришла посмотреть на тебя, Рея, и осведомиться о твоём здоровье. Я супруга твоего дяди.

Оказалось, что, обеспокоенный долгой болезнью Реи Сильвии, Амулий послал свою супругу, которой имел обыкновение доверять, – та должна была узнать, что же на самом деле случилось с весталкой.

В этот момент Рея Сильвия не лежала в постели, как тогда, когда за ней ухаживали; она сидела, скинув шерстяную накидку, которая доставляла ей неудобства в теплом помещении. Царица заметила замешательство Реи Сильвии, подошла к оробевшей девушке и резко отдернула легкую ткань на ней – Рея Сильвия вскрикнула.

– Ах, вот оно что! Ты скрывала свою беременность от нас, дрянная девчонка! – закричала громовым голосом царица, сильно ударив ее по щеке. – За это ты заплатишься жизнью, а плод в твоём чреве будет навсегда проклят, ведь ты, бесстыдная девка, нарушила священный обет!

– Я не соблазняла никого, меня изнасиловали! – причитая и заламывая руки, проговорила девушка.

– Да?! И кто же это сделал? – супруга Амулия удивленно подняла брови. – Ведь ты знаешь, что мы присматриваем за вами, весталками, очень тщательно. Как могло такое случиться?!

Рея Сильвия с виноватым выражением лица протянула:

– Я сама не знаю, кто надругался надо мной, но он назвался Марсом.

И добавила:

– Умоляю тебя, царица, не говори об этом Амулию – он, узнав про это, убьет меня!

– И поделом тебе, раз ты нарушила священный обет! Но боги не соблазняют весталок, посвященных Весте, запомни это! Я вынуждена запереть тебя одну! – и с этими словами супруга Амулия, гневно хлопнув дверью, вышла.

Послышался скрежет ключа в замочной скважине, и Рея Сильвия осталась одна, рыдая и плача, наедине со своими страхами и надеждами.

Прошло немного времени, и Рея Сильвия изрядно проголодалась: еда закончилась, а аппетит у нее во время беременности был отменный. Но вот скрипнул замок, дверь отворилась, и в ее комнату вошла стража, за спинами которых показалось сердитое лицо Великой весталки.

– Поднимайся, Рея! Мы идем во дворец Амулия для исполнения наказания!

– Умоляю вас во имя богов, оставьте мне жизнь! – на глазах девушки показались слезы. Как ни старалась Рея Сильвия держаться достойно, как подобает царской дочери, она не могла сдерживать раздиравших ее душу эмоций.

Девушка вышла, стража последовала за ней, а Великая весталка шла впереди, с гордой поступью, но с гневным выражением лица. Они покинули территорию храма Весты, прошли через ряд кривых улочек города, вышли на городскую площадь. Дворец возвышался над этой площадью и городскими постройками, подобно огромному столетнему дубу, который горделиво выделяется среди обычных дубов.

Народ удивленно смотрел на беременную весталку: кто с негодованием, а кто-то с сочувствием; некоторые молодые девушки злорадно посматривали на красивую царскую дочь Рею Сильвию: зависть давно гнездилась в их сердцах; сердобольные матери семейств со слезами смотрели ей вслед. Были те, кто ненавидел Рею Сильвию, но все же дочь Нумитора была любима простым народом за свою доброту, добродетельный образ жизни и за справедливое отношение к людям.

И без того нервный Амулий пылал гневом, он не мог спокойно сидеть на троне – на окружающих его слуг он бросал сердитые взгляды, тербя складки своего царского одеяния.

Как только Рея Сильвия вошла в украшенный фресками тронный зал в сопровождении охраны, Амулий разразился в ее адрес руганью:

– Да как ты посмела, дерзкая девчонка, нарушить священный обет весталки?! Ты знаешь, что тебя ждет?

И вот Рея Сильвия наконец-то обрела частичку мужества, чтобы бросить в лицо узурпатору:

– Я знаю, что со мной будет! Но я отрицаю свою вину – некий мужчина завлек меня и оплодотворил!

– Да? И кто же этот смельчак, который надругался над тобой?!

– Имя ему – Марс. Так он сам мне сказал, – уверенно ответила провинившаяся весталка.

Амулий недобро и громко расхохотался: припадки ярости у него временами причудливо переплетались со вспышками злобного смеха.

– Марс?! Лжешь, дрянная потаскуха! Боги не посмеют тронуть тех, кто дал обет Весте!

– Но со мной это произошло – это моя судьба, – гордо расправив плечи и подняв голову, бесстрашно ответила Рея Сильвия. Теперь она уже не сомневалась в своей богоизбранности – ведь Марс выбрал ее, чтобы она родила детей, которые в будущем, возможно, будут состязаться в могуществе с самими богами, а мужской голос таинственного незнакомца на Альбанском озере лишь подтвердил ее предположение о своем высоком предназначении.

– И все же ты не можешь забыть свое царское происхождение, раз ты сравниваешь себя с богами, – усмехаясь, проговорил Амулий.

Узурпатор немного успокоился и присел на трон.

В эту минуту в тронный зал вбежала Анто, его дочь, и кинулась к царю, обхватив его ноги руками:

– Отец, помилуй Рею – она подруга моего детства! Не будь к ней так жесток, тебе досталась царская власть – разве тебе этого мало? Покажи себя справедливым и мудрым правителем, окажи царскую милость своей провинившейся племяннице.

Страстные мольбы родной дочери задели за живое Амулия, он взял Анто за руку:

– Я сделаю так, как ты хочешь. Но Рея будет находиться под домашним арестом, а ты, моя дочь, будешь присматривать за ней! Если Рея сбежит, то в этом будет твоя вина!

– Благодарю тебя, отец! – промолвила Анто, вставая. Потом, взяв Рею Сильвию за руку, повела ее к себе. Царь сделал знак страже, стражники повиновались – они поняли, что от них требуется. Двое из них отправились вслед за девушками, а массивная, обитая бронзой дверь тронного зала закрылась за ними.

Так прошло несколько месяцев пребывания, точнее, домашнего ареста Реи Сильвии во дворце ее дяди. Заботливая Анто присматривала за ней: приносила ей еду, сидела за пряхкой с двоюродной сестрой, а иногда играла вместе с ней. Но одно не давало покоя девушке, ожидающей разрешения от бремени – что будет с ней после того, как она станет матерью. Матерью детей от самого бога Марса! Однако потом Рея Сильвия успокоилась: в конце концов, не оставит же ее Марс в беде – боги всемогущи, ее дети вырастут сильными и отомстят жестокому и коварному Амулию, и восстановят справедливость в Альбе-Лонге.

Анто всячески утешала ее, приговаривая:

– Не бойся, моя милая сестренка, я не дам тебя в обиду. Все будет хорошо!

И Рея Сильвия вконец успокоилась; теперь нужно набраться терпения, ведь долгое время проживания в комнате дворца без возможности выйти сказывалось на ее здоровье. Что касается Анто, то она, разумеется, неоднократно выходила из дворца, но ненадолго. В таких случаях Анто, с жалостью глядя на подругу детства, закрывала ставни на решетчатых окнах, запирала наглухо дверь, и Рея Сильвия оставалась в полумраке одна. Конечно, она чувствовала в себе начало новой жизни, ощущала легкие толчки и другие проявления беременности. Но рядом она никого не видела и не слышала – стены дворца были массивны, а ее комната находилась в самой дальней и нежилой части дворца. И лишь изредка к ней заходила стража, чтобы проверить, на месте ли она, не сбежала ли, да перекинуться с ней несколькими острými шутками.

Был погожий осенний денек, близился вечер. Погода была прекрасная. Простой люд, устав от праведных трудов, высыпал на улицы и предавался отдыху около своих глиняных хижин или же на городских площадях, просто наслаждаясь чудесной погодой. И во дворце было довольно тихо: молодые придворные отправились гулять в дворцовый сад, и самые неугомонные из них стали придумывать разнообразные игры, а те, кто постарше, сидели спокойно в беседках, ведя разговор о придворных сплетнях да новостях из области заморской торговли, о военных конфликтах с соседями. Солнце багрового цвета клонилось к закату; вдали шумел лес, покрытый иссушенной от летней жары зеленью; щебетали птицы; резвились на опушке леса дикие звери: косули, кабаны, зайцы. Казалось, вся Альба-Лонга, уставшая от жарких трудов в период посева и жатвы, предавалась заслуженному отдыху после летней страды.

Прошла теплая осенняя ночь, уже довольно продолжительная по времени. Рея Сильвия была в это время одна. Вдруг она почувствовала, что плод в ее животе интенсивно задвигался. Девушка сползла на пол и громко закричала, призывая на помощь. Конечно, у нее начались схватки. Рея Сильвия поняла, что время наступило, ведь прошло как раз девять месяцев с той памятной встречи с Марсом в его роще. И ей нужна помощь – она вот-вот разрешится от бремени! Рея Сильвия закричала еще громче.

На крик девушки прибежала Анто, а с ней повивальные бабки – умная Анто была начеку и все предусмотрела. Повивальные бабки уложили девушку на кушетку, дали роженице небольшую чашку с отваром мяты дикой, потом положили ей между зубов смоченный в оливковом масле кусок ткани, и роды начались. Сначала девушке было тяжело; она тужилась, стиснув зубы, но потом плод в ее животе задвигался, девушка сильно напряглась, и вот – о боги! – из ее лона показалась одна маленькая головка, а за ней – вторая. Рея Сильвия едва лишь успела посмотреть на них, как потеряла сознание.

Новорожденные близнецы появились на свет в середине осени. Мальчики оказались довольно крупными телом и красивыми лицом; они чувствовали себя прекрасно, лежа в кровати, заранее подготовленной для них.

А в это время, когда Рея Сильвия разрешилась от бремени, в храме Весты одна из весталок с ужасом увидела, что алтарь Весты, который находился в прекрасном состоянии, вдруг дрогнул и развалился на куски, а священный огонь, за которым присматривали и днем и ночью, в один миг погас. И все старания весталок его разжечь были напрасны, лишь зола от мехов разлеталась по помещению. Присутствующие сочли это дурным знаком. Весталки доложили о случившемся Великой весталке, а та незамедлительно явилась к самому Амулию и все ему рассказала. Тогда Амулий, узнав о рождении близнецов, поспешил в комнату их матери. Та сидела, наклонясь над детской кроватью, и пела новорожденным колыбельную, ибо был уже вечер. Анто, как всегда, была рядом – сейчас она прибиралась в помещении.

Разгневанный Амулий ворвался в комнату, точно вихрь; девушки испуганно взглянули на его перекошенное от ярости лицо и поняли – не к добру это. Разбуженные внезапным появлением царя, близнецы в колыбели заплакали.

– С меня хватит! Эта дрянная девка принесет погибель нашему городу: она уже нарушила запрет, и теперь ей хватает наглости издеваться над нами! – закричал, сверкая гневно глазами, Амулий.

Заглянув в колыбель, царь ахнул: вместо одного там лежали двое новорожденных!

Показав пальцем на близнецов и на Рею Сильвию и призвав Великую весталку в свидетели, Амулий неистово заорал:

– Да будут боги свидетелями – эта девушка, будучи весталкой, нарушила обет! И в момент ее разрешения от бремени алтарь в храме Весты дрогнул, а священный огонь погас! Рея, твоя вина вдвойне тяжела, ибо ты родила близнецов! Да будут боги свидетелями: я простил тебя один раз, но на этот раз, Рея, тебе не уйти от кары богов!

Великая весталка с каменным лицом утвердительно кивнула головой, подтверждая факт разрушения алтаря Весты и исчезновение священного огня под пеплом.

А царь-узурпатор повернулся к двери и крикнул:

– Эй, стража! Отведите эту дрянную девку в темницу на съедение крысам!

Стража схватила Рею Сильвию, заковала ее руки в цепи и вытолкнула девушку из комнаты. В дверях показались рабы.

Амулий указал пальцем на близнецов:

– А новорожденных отнесите в лохани к Тибру и бросьте их в реку!

Рабы немедленно повиновались. Анто не успела предпринять что-либо, она никогда не видела своего отца таким гневным и жестоким. Она была в такой степени напугана, что не посмела броситься на помощь Рее Сильвии. И теперь она только беспомощно сидела в углу и плакала о горькой судьбе своей двоюродной сестры.

А та сидела в сырой и мрачной темнице, которая находилась на окраине города, сидела одна, без всякой надежды на избавление от заточения, под замком и под неусыпным взглядом стражников.

4 Чудесное спасение

Где-то неподалеку от пастушеских селений, у юго-западного подножия Палатина, на берегу реки Тибр росла смоковница. Рабы Амулия уже целый день медленно брели по направлению к Тибру, один из них нес лохань с ревущими близнецами, крепко прижимая ее к себе. Уже подуставшие рабы недоумевали: и что же царь послал их так далеко? Но делать нечего – царская воля превыше всего в делах людских.

Места были пустынные, поселений было совсем немного. Попадались люди около Альбы-Лонги, но чем дальше от города, тем меньше прохожих встречали рабы Амулия. Лишь несколько пастушеских хижин находились на одном из холмов неподалеку от Тибра, на его восточном берегу. Впрочем, самое подходящее место, чтобы оставить младенцев здесь, на произвол судьбы. Но – о! – Тибр широко разлился, что иногда бывает поздней осенью на Апеннинских из-за проливных дождей. Однако на этот раз река была необыкновенно полноводна – ее берега были затоплены бурным потоком. Сегодня рабам повезло – дождя не было.

Рабы, которые обычно бывают небрежными, когда исполняют свои обязанности, не видя надсмотрщика рядом, спустились к густым зарослям смоковницы. Дальше начиналась топкая, болотистая местность: разлив Тибра образовал в этом месте небольшую заводь. Рабы остановились как вкопанные, не зная, что делать.

Наконец, самый старший из них подумал немного и произнес:

– А давайте, ребята, оставим лохань тут, в тихой заводи. Если мы пройдем дальше к руслу реки, то нас унесет сильным течением.

Сказано – сделано: раб, который нёс младенцев, засучил рукава на одежде, приподнял одной рукою полы и начал медленно пробираться к заводи по колено в воде. Потом, крикнув: «Ну их!» – положил лохань на воду в заводи. Лохань поплыла, увлекаемая течением реки. Рабы отправились назад в город, ибо им предстояло проделать немалый путь пешком, а солнце уже прошло зенит на небосклоне – надо было поторопиться.

Лохань с близнецами, которые успокоились под убаюкивающий плеск волн, в это время неслась, гонимая сильным потоком Тибра. Вдруг подул ветер, «суденышко» с младенцами под действием ветра изменило курс и оказалось недалеко от берега. Тут одна из веток смоковницы, которая нагибалась к самой воде, зацепила лохань и остановила ее движение в мелкой заводи.

Прошло еще некоторое время, вода в этом месте, и без того неглубокая, пошла на убыль, и вскоре обнажилось дно. Малыши заплакали от мучившего их голода, но вдруг где-то в зарослях смоковницы послышался шум...

Вода в Тибре постепенно убывала, над полями раздавалось блеяние овец, лай собак да разговоры пастухов. Был тихий осенний вечер и еще довольно светло. Средних лет пастух с худощавым лицом, но с крепким торсом, окладистой бородой, которого звали Фаустул, как старший по возрасту и опытный в своем деле смотритель царских стад осматривал пастбища и осведомлялся у пастухов о состоянии пасущегося скота.

Спустившись к реке, чтобы умыть руки и ноги, запачканные грязью, Фаустул услышал шорох. Подняв пастушеский посох для защиты от возможной опасности, Фаустул подошел к зарослям смоковницы. Раздвинув ветви, он заметил черную волчицу необыкновенных размеров, с красноватым отливом шерсти. Волчица лежала на боку, глаза ее светились в полумраке каким-то фосфорическим блеском, а у брюха волчицы с разбухшими от молока сосцами лежали... два младенца!

Огромная волчица кормит малышей своим молоком! Пастух многое повидал на своем веку, но самки волка таких размеров никогда не видел. Тут откуда-то сверху послышался шелест, как будто от порхания крыльев птицы или шума листвы. Подняв голову, Фаустул

заметил дятла с красными, как будто опаленными огнем, крыльями, в клюве которого была веточка ягод. Подлетев к волчице с младенцами, дятел открыл клюв и выпустил веточку, а один из малышей, оказавшийся проворнее, подполз к нему и взял веточку с ягодами маленькими ручонками. Удивительно, подумал Фаустул, чудеса, да и только! Но надо позвать жену и других пастухов, пришло ему в голову, потребуется помощь. Хотя волчица не проявляла признаков враждебности по отношению к малышам, старый пастух все же решил уберечь их от возможной опасности. Да, да, нужно забрать младенцев! И Фаустул поспешно отправился за помощью в свое жилище.

Жена пастуха была в хижине, которая представляла собой небольшую круглой формы конструкцию из дерева, соломы и глины, с конусообразной крышей. Дородная хозяйка с разгоряченным от жара лицом, хлопотала около очага, готовя скромный ужин: лепешки из полбы, кусок копченой свинины, овечий сыр да лук – вот и вся еда апеннинского крестьянина в те далекие времена.

Фаустул, вошедши в хижину, громко и радостно произнес:

– Жена, а жена, я покажу тебе нечто особенное – ты ни разу еще не видала такого!

– Что случилось? И куда ты хочешь меня увлечь? Будто мне заняться нечем, – недовольно проворчала хозяйка, ее умные и честолюбивые карие глаза уставились на своего супруга. А звалась она Аккой Ларенцией.

– Я видел на берегу Тибра, в роще из смоковницы, огромную волчицу и дятла со странным оперением. И эти дикие животные кормили младенцев!

– Баснями соловья не накормишь! Где ж это видано, чтобы дикие звери кормили детей! – воскликнула недоверчивая Акка Ларенция.

Но пастух повелительно взял жену за руку и строго произнес:

– Акка, я не выдумываю ничего – это правда! Но я пришел сюда за помощью. Пошли!

И он шлепнул жену по ягодицам, задул огонь и вышел вслед за ней.

В поле Фаустул сделал знак жене остановиться, а сам поспешил по направлению к стаду, за которым следили молодые пастухи. Навстречу Фаустулу вышли двое пастухов со сторожевыми собаками: один – постарше и выше ростом, другой – еще юный, небольшого роста.

– Кто там? – спросил один из них.

– Не бойтесь, это я, Фаустул. Ребята, вы мне нужны! Надо отогнать волчицу – она приласкала двух младенцев. Берите собак, зовите остальных в помощники – и за мной! Овец пригоните к дому, оставьте парочку караулить да собак им дайте. Те, кто со мной, не забудьте взять колья да дубины! – громко произнес Фаустул повелительным голосом.

Молодые пастухи повинувались, вслед за ними подошли остальные – в общей сложности человек восемь-десять. Вооружившись, пастухи поспешили вслед за Фаустулом и его женой.

Уже сгущались сумерки, но было еще тепло: теплая, а иногда и жаркая осень на Апеннинском полуострове уступает дорогу дождливой и прохладной зиме довольно поздно.

Группа пастухов подошла к тому месту, где Фаустул увидел волчицу с младенцами. Собаки почуяли незнакомый запах, но не лаяли, послушные приказу пастухов не вызывая тревогу у волчицы, – они лишь виляли хвостами.

Раздвинув заросли, Фаустул пальцем указал Акке Ларенции на волчицу и произнес ей шепотом:

– Вот они, поверь мне.

Акка Ларенция в ответ только удивленно шепнула:

– Да, это невероятное зрелище – никогда такого не видала.

Фаустул повернулся к молодым пастухам:

– А ну, мальчики, давайте подбираться с собаками, да и не забудьте про оружие. Хорошо напугаем матерую самку.

Пастухи с собаками да с кольями и дубинами наперевес, двинулись по направлению к волчице, Фаустул – за ними. Волчица заметила вооруженных пастухов, но, несмотря на это, даже не проявила признаков враждебности. Не обращая внимания на заливающихся лаем собак, она встала и, вильнув хвостом на прощание да сверкнув напоследок глазами, спокойно удалилась.

Фаустул, Акка Ларенция и остальные пастухи окружили младенцев. Те, что были вскормлены волчицей, оказались красивыми и крепкими карапузами, абсолютно похожими друг на друга. Они смеялись и дергали ножками, протягивая свои ручонки к людям – видно, молоко волчицы пришлось им по вкусу, с иронией подумал Фаустул. Он и его жена осторожно взяли близнецов на руки: Фаустул взял того, который был проворнее, Акка Ларенция – другого, который был не таким резвым. Довольные, пастухи с найденышами вернулись домой.

В хижине Фаустула было тепло от еще не остывшего очага, который оставила хозяйка дома перед уходом. Двое пастухов вновь разожгли огонь, а Фаустул и его жена уложили близнецов на деревянное ложе, покрытое сверху соломой и шкурой. Новорожденные плакали, утомившись от тряской дороги, но потом, накормленные хозяйкой и согретые домашним очагом, успокоились.

Пастухи разошлись по своим хижинам, так как на землю спускалась ночь.

Вдруг дверь отворилась, и в помещение ввалилась кучка мальчуганов, человек пять-шесть:

– Мама, мама, мы есть хотим!

– Тише, ребятки, здесь малыши спят, – проговорила Акка Ларенция, – но, о боги, я не всех детей здесь вижу – где остальные?

– Остальные во дворе, помогают пастухам загонять скотину в стойло, – ответил за всех самый старший.

Фаустул, не сказав ни слова, вышел из хижины, строго наказав детям не шуметь, чтобы не разбудить младенцев. Близнецы на кровати уже спали сладким сном, спали спокойно после тех злоключений, что им довелось пережить.

Двое мальчуганов склонились над кроватью.

– Какие милые, какие красивые! – не удержались они от восклицания.

Хозяйка схватилась за голову:

– Ох, и прибавится же у меня забот! Что мне делать?

Дверь скрипнула, и в помещение вошел хозяин дома с остальными детьми, Фаустул погрозил ораве мальчуганов пальцем, дескать, не шуметь.

Акка Ларенция кинулась к нему:

– Что делать, Фаустул? Куда нам девать этих найденышей – у нас и так забот полон рот.

– Придумаем что-нибудь, жена, – ответил хозяин, садясь за низкий стол вместе с остальными. – Отдадим кому-нибудь из соседей, у кого не хватает рабочих рук.

Все принялись с аппетитом за еду – двенадцать мальчуганов особенно усердно уплетали за обе щеки, но при этом старались сильно не шуметь. Самому старшему из них на вид было лет семнадцать, младшему – пять.

Фаустул обратился к ним вполголоса:

– Ну, старший, рассказывай, что интересного видели в городе? Почему так поздно вернулись домой?

Тот начал говорить лишь после того, как доел последний кусок из положенного ему на столе:

– Отец наш, мы, как обычно, заканчивали на городском рынке свою торговлю, упаковывая в тюки непроданные товары. На рынке было необычно много народу, и тут до нас дошел слух, что дочь свергнутого царя Нумитора, весталка Рея Сильвия, родила близнецов...

– Но это еще не причина для позднего возвращения, – строго перебил его Фаустул. – Вы должны были вернуться до наступления темноты: на дорогах попадаются разбойники, а разбойники никого не щадят.

– Выслушай нас, отец, – с волнением ответил мальчуган. – Только мы готовились пройти городские ворота, как толпа людей начала возбужденно собираться у дворца; мы тоже из любопытства подошли к дворцу, чтобы услышать еще что-нибудь интересное. Вдруг все увидели какую-то девушку в сопровождении стражников, в хороших одеждах, но закованную в цепи – народ пришел в негодование, стал протестовать. И вот что до нас дошло: базарные торговки, самые любопытные и самые болтливые, разнесли слух, что, дескать, Рею Сильвию будут содержать в городской тюрьме, а близнецов бросят в Тибр.

– Это жестоко, это несправедливо, – замахала руками хозяйка.

– Замолчи, – цыкнул на нее Фаустул, – как бы не разбудить близнецов. Но я начинаю догадываться, кого мы подобрали.

Хозяин подошел к кровати, где лежали найденыши, и удостоверился в том, что малыши не проснулись от шума. И тогда Фаустул вернулся к столу.

– Продолжай, мой сын.

– Тогда городская толпа пришла в движение, пытаясь силой отобрать эту девушку у стражников. Началась потасовка, на помощь стражникам подошли другие, которые щитами и пинками принялись разгонять протестующих. Те стражники, которые были на сторожевых стенах, заперли ворота, чтобы люди снаружи города не подоспели на помощь тем, кто заступился за дочь Нумитора. Стражники образовали заслон от возбужденной толпы, а на возвышение поднялся начальник стражи и громким, властным голосом повелел всем разойтись, пригрозив народу применением оружия. Народ, испуганный, начал расходиться, а мы были вынуждены ждать до тех пор, пока нам не откроют ворота. Лишь после того, как на площади почти никого не осталось, мы смогли попасть к воротам, но прошло еще несколько времени. Люди, работавшие в поле, подошли к воротам, но, обнаружив, что те закрыты, стали требовать их открыть. Тогда из-за угрозы со стороны разбойников стражники впустили испуганных людей в город, а мы смогли выйти. Вот как это было, отец!

– А что с дочерью Нумитора?

– Ее, как и говорили многие, отвели в тюрьму.

У Фаустула все перевернулось внутри, лицо побледнело, ладони сжались в кулаки. И кому он служит?! Его хозяин, Амулий, на самом деле узурпатор, настоящий тиран.

– О Амулий! Как ты мог?! – вырвалось у него.

Потом Фаустул долго думал и, в конце концов взяв себя в руки, решился:

– Надо рассказать все Нумитору, благородному человеку, пострадавшему от рук тирана. Он живет в деревне; нам он, конечно, поможет. Ну а теперь всем спать.

Все молча стали укладываться, усталый Фаустул лег рядом с найденышами. Да, нужно идти к Нумитору: ведь он, Фаустул, сначала находился в подчинении у этого благородного царя, до тех пор пока его не свергнул негодяй Амулий! Но он, Фаустул, этого не знал! Амулий лично сообщил ему, что Нумитор добровольно отрекся от трона. Значит, коварный Амулий солгал всем, когда во всеуслышание заявил, что трон ему уступил Нумитор! Такие мысли пронеслись в голове у зрителя царских стад. И с этими мыслями пастух уснул.

5 В семье пастухов

Наступило утро, и в хижину Фаустула заглянули ласковые лучи осеннего солнца. Хозяйка встала первой, разожгла очаг и начала готовить завтрак: лепешки с медом, кашу из полбы да овечьё молоко. Фаустул проснулся чуть позже, а встав с ложа, принялся будить сыновей:

– А ну, мальчики, хватит валяться! Пора завтракать, а там и за работу!

И тут же кинулся к кровати, где сладко сопели близнецы.

– О боги, как хорошо спят они! И аппетит хороший, и сон крепкий! Удивительные дети, что и говорить!

Усевшись за большим круглым столом, семья начала завтракать. Хозяйка, поев, подошла к найденышам, чтобы покормить их, и обнаружила, что те уже не спят, а спокойно, улыбаясь, лежат в кроватке. Жена Фаустула, попросив детей выйти, подседа ближе к близнецам и, обнажив свою грудь, принялась по очереди кормить их. Тем понравилось молоко хозяйки этого гостеприимного дома – они сладостно засопели и заерзали в кровати, время от времени издавая радостные возгласы.

– Здоровые дети, что и говорить, – радостно выпалила Акка Ларенция, а Фаустул с довольным видом кивнул в ответ.

Хозяин хижины вышел во двор, где его уже ждали сыновья, а жене наказал, чтобы она присмотрела за близнецами. Та молча повиновалась: Акке Ларенции казалось, что это ненадолго и что близнецов отдадут на воспитание пастухам из соседних деревень. Но не тут-то было! Не успела хозяйка повозиться с малышами, как дверь отворилась и вошел Фаустул с задумчивым видом:

– Жена, а жена, я еще не решил, что делать с младенцами!

– Как?! Но ты же еще вчера сказал, что отнесешь их к Нумитору! – скрестив руки на груди, удивилась Акка Ларенция.

– Все не так просто, Акка! Ты же знаешь, сколько разбойников бродит здесь в окрестностях! А то, что наши сыновья вместе с пастухами вчера вернулись с городской ярмарки невредимыми в такой поздний час, просто чудо! Я не могу рисковать: эти близнецы не обычные, они – царские дети! Вот что, жена! Я пойду со своими самыми крепкими пастухами и расскажу все Нумитору, который наверняка содержится под присмотром людей Амулия. Нумитор поможет нам с пищей и одеждой для того, чтобы мы могли содержать близнецов. А потом эти двое вырастут и свергнут тирана Амулия, и нам станет легче дышать.

– Что бы ты ни задумал, но хлопот у меня прибавится! – недовольно проворчала хозяйка.

– Довольно, Акка! Я хозяин в семье, поэтому вы все должны мне подчиняться! В конце концов, у нас есть чудесные мальчуганы, они будут помогать тебе по дому.

Акка Ларенция смирилась и опустила на скамью рядом с близнецами.

– А как мы их назовем? – подала тут же голос хозяйка.

– Я все думал об этом, – ответил Фаустул. Он думал, но пока ничего не придумал. Только, махнув рукой, крикнул и вышел. А там, в поле, уже разбрелись стада овец под строгим надзором вооруженных пастухов с собаками. Сыновья Фаустула находились во дворе, где помогали выгонять скот из загонов. Оставшись с мальчиками, Фаустул принялся колоть крупные чурбаны для домашнего очага, а мальчики помогали ему. Сделав дело, Фаустул строго приказал своим сыновьям помочь матери, и мальчики послушно удалились. Оставшись один, Фаустул взял в загоне дубину и рогатину и поспешно направился в поле.

Увидев группу пастухов, он окликнул их:

– А ну, ребята, мне нужны десять самых сильных с оружием и собаками. Мы идем к Нумитору! Нужно сообщить ему важную новость – от этого зависит наша судьба!

Пастухи молча повиновались, ведь Фаустул был смотрителем царского скота и просто уважаемым человеком. Сам Фаустул обратился к остальным с просьбой выделить пару-тройку дюжих парней для охраны его дома. Его просьба была принята, двое добровольцев покинули поле и направились к хижине своего хозяина.

Группа во главе с Фаустулом двинулась в сторону окрестностей Альбы-Лонги, где находилась деревенька, в которую был отправлен опальный Нумитор. Был чудесный осенний день, повсюду слышалось пение птиц, блеяли овцы да лаяли собаки пастухов. Ветки деревьев упали в плодах, высохшая трава тихо шелестела вокруг, спокойно нёс себя Тибр – вода от обильных осенних дождей схлынула. Казалось, природа – да что там природа! – казалось, боги наверху ждали над страданиями людей и ниспослали такую благодатную погоду. Молодые пастухи радовались приходу осени, они думали о том, что будут коротать время не в поле, а с деревенскими красавицами. Но Фаустул был задумчив, хотя не мрачен, – просто он думал, как поступить в данном случае: рассказать Нумитору всю правду или же нет? Где будут жить близнецы? Что с Реей Сильвией и как ее освободить, если она жива? Нумитор наверняка слышал о том, какие беспорядки были в городе из-за разрешения от бремени Реи Сильвии и ее заточения. Слышал он, наверное, и о приказе Амулия утопить детей Реи в Тибре. Но какие меры он предпримет?

В раздумьях Фаустул не заметил, что он с пастухами прошел большую часть пути и находится уже неподалеку от Альбы-Лонги. И Фаустул стряхнул с себя раздумья, словно пробуждаясь от беспокойного сна, и огляделся вокруг. А, они на правильном пути! Вот и деревня, в которую они направились. Конечно, все знали, где проживает Нумитор, так как все были в услужении у него. Но такое служение было не в тягость для каждого, ведь свергнутый царь был добродушным и мужественным человеком, но ему не хватало осторожности и немного хитрости. А без этих качеств невозможно оставаться на плаву в бурных политических перипетиях.

А Нумитор в это время находился в поле со своими верными слугами, которые не покинули его и после изгнания из Альбы-Лонги. Он собственноручно косил на опушке еще свежую осеннюю траву, не выгоревшую от солнца благодаря могучим кронам деревьев, и изредка вытирал со лба соленый пот. Чуть поодаль за опальным братом Амулия следили стражники, неукоснительно выполнявшие приказ узурпатора. Заметив Фаустула, который подошел со своими пастухами, Нумитор перестал косить траву и, вытерши пот со лба и крепкого торса краем льняной ткани, чуть заметно кивнул головой и поднял для приветствия руку. Фаустул, конечно, понимал, что ему и Нумитору следует воздержаться от дружеского обращения, так как неусыпные стражники были начеку. Чтобы не возбуждать подозрения у стражи, смотритель заявил Нумитору довольно громко о том, что ему нужна помощь. Нумитор кивнул и помахал рукой своим людям. И группа людей – с Нумитором и Фаустулом впереди – пришла в движение и направилась к скромному жилищу опального брата Амулия.

Жилище Нумитора представляло собой довольно большую квадратной формы хижину из дерева и глины, крыша которой была покрыта кусками черепицы. Перед входом Нумитор сделал знак своим людям оставить его наедине с Фаустулом. Те повиновались, а стражники, которым уже изрядно поднадоело постоянно следить за бывшим правителем Альбы-Лонги, остались во дворе и растянулись на сеновале. Фаустул не вызывал у этих ленивых и самоуверенных вояк беспокойства – ведь старый пастух теперь состоял на службе у Амулия.

И вот Нумитор и Фаустул оказались внутри жилища. Нумитор хотел спросить, в чем дело, но осторожный и хитрый Фаустул только приложил палец к губам. С молчаливого согласия Нумитора, пастух взял кусок угля из остывшего костра в печи, достал кусок грубого холста и нацарапал на холсте только три слова: «Я нашел близнецов...» На изможденном от страданий последних дней лице Нумитора появилось легкое возбуждение, смешанное с надеждой. На холсте появилась следующая надпись: «Они чувствуют себя хорошо. Что делать с ними?»

Нумитор облегченно вздохнул и улыбнулся, его ответ не заставил себя ждать. Бывший правитель Альбы-Лонги нацарапал, озираясь на дверь, следующие слова: «Оставь в своем доме. Я буду давать тебе пищу и одежду. Потом отправь их в Габии.» Фаустул задал вопрос на холсте: «Как назвать их?» Нумитор ответил: «Решай сам». Вдруг снаружи послышались шаги, Нумитор быстро схватил холст и уголек и бросил эти опасные улики в предварительно зажженный очаг. Дверь отворилась, и в помещение вошли двое стражников, которые сразу же осмотрелись вокруг в поисках подозрительных вещей. Впрочем, огонь в очаге уже успел уничтожить тонкий кусочек холста, и стражники не заметили ничего подозрительного.

Нумитор, успокоившись, встал и уверенным тоном бросил Фаустулу:

– Ну что ж, пора прощаться. Если ты испытываешь трудности, Фаустул, то я вышлю тебе пищу и одежду.

Фаустул, в свою очередь, картинно поклонился Нумитору:

– Благодарю тебя, о хозяин этого дома. Ты же знаешь, какое ужасное наводнение было на наших землях.

С этими словами пастух удалился, стражники вышли вслед за ним, а опальный брат Амулия остался в одиночестве. Крах собственного правления в Альбе-Лонге научил искреннего и беззаботного Нумитора осторожности, бывший правитель стал даже прибегать к хитрости в крайних случаях. Вот на этот раз эти качества ему, человеку, не сведущему в политических интригах, весьма пригодились и еще пригодятся в будущем.

Уже стемнело, когда Фаустул со своими верными людьми вернулся в свою хижину. Остальные пастухи уже пригнали стада и потихоньку расходились по своим жилищам. Дома Фаустул застал жену, хлопчущую у домашнего очага, а их сыновья играли с близнецами.

Фаустул, войдя, бросил взгляд на циновку, на которой лежали близнецы и произнес:

– Жена, завтра же я сделаю колыбельку для наших найденышей.

Сметливая Акка Ларенция все поняла:

– Неужели эти двое будут жить с нами! Мы и без того бедны, Фаустул! Посмотри, сколько у нас ртов!

– Успокойся, жена! Я поговорил с Нумитором – он поможет нам пищей и одеждой. А потом мы направим их в Габии для обучения. Да... я, кажется, придумал имена, которые будут носить близнецы, – при последних словах старый пастух хлопнул себя по лбу, – Ромул и Рем!

– Почему ты так решил, а не по-другому? – спросила хозяйка.

– Потому что я нашел этих двоих, сосущих молоко у волчицы! Так и будет!

И Фаустул с торжествующим видом направился к кровати с близнецами. Его сыновья почтительно расступились, сам же пастух взял одного из малышей на руки, более резвого, и произнес:

– Это Ромул!

И положил в кровать. Потом взял второго:

– И Рем!

И положил второго рядом с первым.

Хозяйка подошла с недоуменным видом и возразила, упершись руками в бока:

– Но как же мы будем их различать, муж мой? Неужели мне придется сшить им одежду разных цветов?

Мальчуганы ехидно захихикали за спиной, хозяйка прикрикнула на них, и те притихли.

– И это тебе придется сделать, – улыбаясь, ответил Фаустул, – но я заметил, что один из близнецов более резв и меньше плачет, а второй немного медлителен и любит распускать нюни. Первый – это Ромул, то есть сильный, а второй – Рем!

– Ладно, пусть будет по-твоему, – выдохнула хозяйка. – Мальчики, идите все спать!

Вслед за детьми, улеглись и сами родители. Местность погрузилась в ночную мглу, хотя было тепло и где-то раздавались звуки, производимые ночными животными и птицами.

Проходило время, день сменялся ночью, осень уходила под напором зимы, зима уступала дорогу весне; потом вновь этот круговорот в природе, поколения сменяли поколения – Ромул и Рем росли очень быстро, и через некоторое время младенцы превратились в красивых и сильных мальчиков. Близнецы выделялись среди остальных ростом, силой, отвагой да организаторскими способностями. Все это время два брата-близнеца росли и воспитывались в семье Фаустула и Акки Ларенции. Нумитор не забыл про обещание, данное Фаустулу, – он снабжал дом Фаустула всем необходимым. А Фаустул, как обычно, следил за молодыми пастухами: обходил стада, учил молодежь всем премудростям их ремесла да приходил к Нумитору за пищей и одеждой для близнецов и докладывал опальному брату Амулия о состоянии стад. Что касается стражи, то беспечные стражники, усыпленные примерным поведением и добротой Нумитора, не проявляли обеспокоенности из-за каких-то тюков с пищей и одеждой. Впрочем, стражники тщательно досматривали содержимое этих тюков, которые Нумитор передавал Фаустулу. А хитрый смотритель стад сказал стражникам, что у него в семье пополнение и в связи с этим он, немолодой пастух, испытывает материальные трудности.

Ромул и Рем тем временем помогали своему приемному отцу по хозяйству: пасли овец на пастбищах, добывали древесину в лесу на дрова, охотились на диких зверей, а иногда ловили рыбу на острове, что находился посредине Тибра, неподалеку от поселения пастухов. Ну и, конечно, помогали приемной матери по дому, ведь Акке Ларенции приходилось нелегко, чтобы содержать хижину в порядке и чистоте. За это время Ромул и Рем так привязались к семье пастухов, что у них даже не оставалось сомнений касательно их происхождения. Да, они – пастухи, такие же, как и остальные. Но, позже, когда близнецы подросли, другие люди стали замечать у близнецов качества, которые выдавали их знатное происхождение: так Ромул выделялся среди других благородной осанкой, крепким умом да способностями лидера, а Рем, хотя и уступал первому по некоторым качествам, все же не походил на простого пастуха. Одним словом, и тот и другой проявляли качества, более присущие царским детям, чем простолюдинам.

Однажды в холодный и дождливый зимний день, когда близнецы подросли достаточно для того, чтобы жить самостоятельно и зарабатывать себе на хлеб, в хижину Фаустула вошел, предварительно постучав в дверь и получив согласие, слуга Нумитора, человек средних лет, но болезненного вида и небольшого роста, с жидкой бородкой и с кроткими глазами. Откашлявшись, оставив у порога обувь и сняв мокрую верхнюю одежду, вошедший человек по знаку, данному старым пастухом, сел на кушетку у домашнего очага и вытянул к огню промокшие ноги.

– Какими судьбами ты здесь, дорогой гость? – спросил его Фаустул с удивленным видом, – в такую погоду хороший хозяин и собаки не выпустит из дому. Что случилось?

Мальчуганы, которые занимались своими делами, притихли, прислушиваясь к разговору.

– У меня хорошая новость, о Фаустул, – ответил вполголоса гость. – Нумитор желает, чтобы его внуки получили необходимые для государственной деятельности знания. И с этой целью он посылает их в Габии для обучения всяким наукам.

Ромул и Рем, которые находились немного в отдалении от других и занимались починкой охотничьего оружия и снастей для ловли рыбы, встрепенулись. Близнецы поняли, что речь идет о них. Их надежды на положительные перемены в простой пастушеской жизни усилились, как только они разобрали из слов пришедшего человека, что их посылают обучаться в какой-то город.

Ромул, который обладал более совершенной памятью, вдруг вспомнил событие двухлетней давности. А дело было так. Он и Рем отправились в ближайший лес, чтобы поохотиться

там на кабанов. Погода была хорошая, лучи осеннего солнца все еще ласково согревали воздух и перепаханную землю, уже влажную от обильных дождей. Ромул потихоньку стал припоминать мельчайшие детали того дня, как будто это произошло вчера.

...Он и брат его перешли вспаханное поле и углубились в лес. В лесу было немного сумрачно, кое-где густые ветви могучих деревьев закрывали их от лучей солнца. Вдруг раздался треск от ломающихся веток и стук копыт; при этом шуме близнецы осторожно пригнулись, спрятавшись за густыми зарослями кустарника. Затем братья выглянули и увидели крупного кабана, который шел, кажется, по направлению к реке, берега которой в некоторых местах были заболочены.

Старый самец продвигался вперед, не торопясь, тяжело дыша и временами отряхиваясь: его мучили полчища кусачих насекомых. Но через некоторое время близнецам стало понятно, что это не насекомые так беспокоят кабана, на то была другая причина. А кабан в это время ускорил шаг, а потом и вовсе пустился бегом, но не слишком быстро, этого не позволял ему возраст. Интуиция подсказывала Ромулу, что здесь, кроме них, есть кто-то, кто еще не появился в поле зрения. И в этот момент, как только Ромул подумал об этом, из чащи выпрыгнул огромного размера красивый волк, весь сверкающий черной шерстью, с красной каймой на шее и лапах. Глаза волка светились в чаще странным фосфорическим блеском. В стремительном прыжке волк настиг старого кабана, вытянув вперед лапы и выпустив смертоносные когти. Кабан от такого мощного толчка упал на бок, но при этом успел повернуть большую голову с крупными клыками. Волк ловко увернулся от кабаньих клыков и, не выпуская из огромных когтей добычу, впился зубами в толстую шею парнокопытного. Из шеи фонтаном брызнула струя крови, кабан захрипел, отчаянно мотая длинным хвостом, его тело задрожало, и через несколько мгновений все было кончено. Волк, облизываясь и горделиво пройдя вокруг туши кабана, вдруг уставился странными глазами прямо на то место, где под кустами, не издавая ни звука, спрятались близнецы.

Ромул и Рем, конечно, немного испугались, увидев схватку хищников, – ведь тогда братья были еще подростками, а диковинный волк огромного размера заставил их еще больше содрогнуться. Близнецы одновременно подняли дубины, чтобы отразить атаку хищника, но волк, спокойно присев на задние лапы, с любопытством стал их разглядывать. И Ромулу в этот момент показалось, что волк смотрит на них, улыбаясь, временами открывая рот и высовывая длинный язык. Затем волк издал несвойственное для такого огромного самца ласковое тьяканье. Какое странное чувство, подумал тогда Ромул, такое ощущение, что волк хочет поведать им что-то важное! И это продолжалось несколько мгновений. Близнецы, как зачарованные, смотрели на волка, а тот лишь улыбался в ответ, да издавал звуки, как будто довольный чем-то.

Ромул с Ремом переглянулись, а волк, удовлетворив свое любопытство, подал голос. Его раскатистый вой, подобно победному кличу, раздался далеко за пределами местности. И в этот момент в ответ послышался протяжный вой: другие волки бродили здесь неподалеку. Через некоторое время из зарослей показались любопытные мордочки молодых волков, а после этого из чащи выпрыгнула целая стая этих хищников. Огромный волк коротко пролаял что-то своим собратям, двинувшись к поверженной добыче, и горделиво поставил лапу на кабанью голову. Потом он так же быстро исчез в лесной чаще. А остальные с остервенением бросились на окровавленную тушу кабана и начали разрывать плоть клыками и когтями, при этом не обращая внимания на Ромула и его брата. Братья спокойно удалились – интуиция подсказывала Ромулу, что их не тронут и что они, Ромул и Рем, находятся под защитой того громадного волка, являющегося вожаком стаи...

В хижине весело потрескивал огонь. Ромул тронул брата за плечо, напомнил ему об этом необычайном приключении и спросил его:

– Так ведь было, брат?

– Да, кажется, припоминаю, Ромул! Это был действительно невероятный случай!

Ромул еще более убедился в том, что они находятся под покровительством богов и подчиненных им сил природы и диких зверей. Что же они тогда сидят здесь и чинят рыболовные снасти, как пастухи, если они столь не похожи на простолюдинов?

Когда гость ушел, предварительно передав кожаный рулончик и мешочек с золотыми слитками Фаустулу и поблагодарив за гостеприимство, Ромул тут же кинулся к приемному отцу и засыпал его вопросами об их происхождении, Рем тут же оказался рядом.

– Ромул и Рем, успокойтесь! Почему вы решили, что вы дети из знатного рода? – ответил им Фаустул. – Разве мы не любим вас и отказываем вам в чем-то? Более того, я завтра отправляю вас в Габии, и это только ради вас, мальчики мои. А человек этот пришел к нам из Альбы-Лонги, он принес еду и деньги на дорогу до города, где вы будете учиться всяким наукам.

И с этими словами Фаустул обнял обоих близнецов, и Ромул с Ремом немного успокоились. Или сделали вид, что успокоились.

– А ну, теперь всем спать! Завтра рано встаем – нужно проводить вас в дорогу, – и старик смахнул с лица слезу.

Когда все уже улеглись спать, Ромул и Рем тем не менее не могли заснуть – они думали о будущем.

Ромул слегка пихнул локтем Рема и прошептал:

– Вот это да! Кажется, самое интересное у нас впереди.

– Согласен с тобой, брат.

И они еще долго ворочались в постели, строя честолюбивые планы и перешептываясь между собой.

6 Время перемен

Город Габии находился не так далеко от того места, где проживал Фаустул – расстояние между этими населенными пунктами не превышало и дня пути. Город, в который собирались Ромул и Рем, чтобы получить образование, достойное для знатных юношей, располагался чуть к северу от Альбанского озера. Это было своеобразное место, где дети из богатых семей обучались различным наукам и искусствам. И именно переселенцам из Альбы-Лонги этот город и был обязан появлением на италийской земле.

Наступило раннее утро. Фаустул, вскочивший с ложа с криком петуха, с ворчанием принялся будить своих детей. Акка Ларенция, лениво потягиваясь, села на постели, свесив ноги и пощипывая себя за щеки – это старинное средство хорошо помогало при пробуждении от сна. Близнецы тут же вскочили, зная, что за приключения их ожидают, и остальные принялись бодро просыпаться. Спустя некоторое время Акка Ларенция поставила на стол завтрак, приготовленный накануне: кашу из полбы, крынку молока, свиную колбасу, овечий сыр да свежие овощи, только что нарезанные. Все с аппетитом принялись за еду, но ели молча, понимая, что время не ждет – нужно проводить Ромула и Рема в дорогу.

И вот наступило время прощаться. Акка Ларенция со слезами стояла во дворе. Уже обняв по очереди Ромула и Рема, она теперь грустно махала рукой на прощание. Многочисленные сыновья Фаустула тоже помахали руками, а кто-то из них побежал за Ромулом и Ремом вдогонку, словно не желая отпускать близнецов в дальний путь. Фаустул грозно прикрикнул на жену, чтобы та не хныкала, и она понемногу успокоилась. Потом старый пастух подошел к отправляющимся в Габии близнецам и протянул им два свертка из кожи. Один, уже знакомый Ромулу, передал Фаустулу посланец Нумитора, а другой Фаустул приготовил сам.

– Вот, Ромул и Рем, даю вам еще письмо к моему родному брату Плистину. Сейчас он живет в Габиях, и я попросил его, чтобы он приютил вас. Ну а вы, мальчики, помогайте ему по мере своих возможностей. Да хранят вас боги! – произнес взволнованно старый пастух.

– Не волнуйся, отец наш приемный, с нами ничего страшного не произойдет! Боги не оставят нас! Да и вас бессмертные пусть хранят!

– Да, и вот мое напутствие, – Фаустул поднял кверху в знак внимания указательный палец, – идите длинной, но более безопасной дорогой, дети мои! Той дорогой, что огибает лесные чащи и ведет через поля. А по тропе, что ведет через чащу, не ходите, ведь там, в лесу, могут прятаться злые разбойники! Ну, с богами и вперед!

И Фаустул с грустным видом, но бодро заковылял к дому, а Ромул с Ремом взвалили на плечи котомки с едой, одеждой и кусками золота, полученными от Нумитора. Да не забыли неразлучные братья и про охотничье снаряжение: поохотиться на дичь, чтобы не умереть с голоду, да дать отпор разбойникам в случае необходимости.

Ромул и Рем направились на восток, навстречу восходящему зимнему солнцу, лениво согревающему все вокруг. Дорога была не такой уж легкой: кое-где приходилось обходить залитые зимними дождями колеи да тропки, состоящие из сплошной грязной жидкой массы, которая противно хлюпала под ногами. Но близнецы, невзирая на грязь и довольно холодный ветер, шли вперед, обмениваясь репликами да шутками. Они проходили холмы, на которых встречались дикие животные: трепетные лани, воркующие куропатки около своих гнезд, рыжие лисицы. На потемневших от сырой травы болотах встречались цапли, высматривающие добычу в холодной болотной воде. В лесу где-то выли волки, которых в этих местах было немало, да изредка на виду появлялись кабаны, рыскающие вокруг в поисках еды. Близнецам удалось застрелить из лука лань да собрать немного грецких орехов с деревьев, расположенных на возвышении. А из мешка близнецы с удовольствием подкрепились овечьим сыром да лепешками.

Шло время. Дорога стала лучше, она пошла немного в гору, извиваясь между холмами. Все протекало хорошо до тех пор, пока неразлучные братья не приблизились к лесной чаще, куда вела заветная тропинка. Рядом была еще одна, которая огибала густой лес и проходила через просторные поля.

Рем остановился как вкопанный:

– В чем дело, Рем? – недовольно спросил колеблющегося брата Ромул.

– Я не уверен в том, что мы движемся в правильном направлении, – заметил Рем. – Мы должны следовать совету нашего приемного отца – избегать лесных троп и держаться полевых тропинок.

В ответ Ромул развернул сверток и внимательно посмотрел на карту местности, представляющую собой кусок кожи с намалеванными угольком линиями, потом огляделся вокруг и кивнул:

– Вот дилемма: чтобы пройти через поле, потребуется больше времени. А если мы выберем короткую тропу, через дремучий лес, мы выиграем время! Так что пойдём через чащу.

– А как же разбойники, о которых нас предупреждал отец наш? – спросил Рем, косясь в сторону лесных дебрей, которые мрачно возвышались рядом с ними.

– Ты испугался каких-то бродяг, которые нападают только на слабых? – удивился Ромул, склонив голову набок, и в его вопросе сквозила усмешка.

Рем сжал губы и ничего не сказал, но на его щеках появился румянец стыда, который выдавал его чувства; потом брат Ромула после некоторого раздумья выдал:

– Согласен с тобой, брат. Мы не должны никого бояться, а отец наш ничего не узнает.

Но не успели близнецы войти в дремучий лес, как вдруг из чащи послышался шорох – и близнецы насторожились. Ромул инстинктивно дотронулся правой рукой до стрелы в колчане, а левой сильно сжал лук, Рем сделал то же самое. И тут же по направлению к Ромулу просвистела коварная стрела. Ромул, едва увернувшись, крикнул Рему, чтобы тот спрятался за поваленное дерево. Тот подчинился, почувствовав огромную опасность, грозящую им обоим. Внезапно сверху послышался шум, как будто с дерева кто-то торопливо спускался. Ромул поднял голову и увидел бородатое лицо в ветвях. Он не успел отскочить в сторону, как на него свалился огромный разбойник со сверкающим ножом в руке. Они сцепились, Ромул уронил лук, а колчан бесполезно завертелся у него на боку. Противник попался сильный, не по годам Ромулу, но Ромул, опомнившись от нападения, перехватил занесенный над его горлом нож и направил его в грудь нападшему. В это время Рем подстрелил из своего укрытия двоих неосторожных разбойников, которые рискнули броситься к нему из лесной чащи. Ромул кинулся на помощь Рему. Рассвирепев от гнева, он схватил дубину и ринулся на врагов, не ожидавших такой молниеносной атаки. Результат был налицо – один уже валялся с проломленным черепом. Другие, бросив луки, схватились за дубины.

Рем оказался рядом с братом, приведя в готовность свою любимую рогатину. Но разбойников было больше – человек десять или пятнадцать. И неизвестно, чем бы закончилась схватка, если бы не неожиданная помощь со стороны: раздался тонкий свист и один из разбойников упал со стрелой в животе; другой получил метательным камнем в висок. Остальные разбойники в страхе переглянулись, а близнецы заметили в чаще, совсем рядом, лица негаданных спасителей. Это были, судя по внешнему виду, пастухи, которые по чистой случайности охотились в лесу. Пастухи – народ смелый и сильный, и разбойники это знали. Они пришли в замешательство, потом с громкими проклятиями и стонами бросились наутек. Ромул, стоявший ближе к врагам, все же успел нанести удар по голове одного из отступавших, а Рем проткнул своей длинной рогатиной живот другого разбойника. В это время пастухи приблизились к братьям.

Один из них, по виду самый сильный, с маленькой бородкой и очень крепкого телосложения, вероятно вожак группы, недовольно произнес:

– Ради всех богов, о путники, неужели вы не знаете, как здесь опасно! Местные леса кишмя кишат дерзкими разбойниками, которые нападают на безрассудных прохожих.

Ромул ответил:

– Мы-то знаем, но решили рискнуть, полагаясь на свою силу и ловкость, – и подмигнул своему брату.

Тот отер пот со лба и облегченно вздохнул.

– Куда вы направляетесь, о путники? – спросил пастух.

– В Габии, для получения греческого образования.

– Вам нужно пройти еще немного. И, клянусь богами, Габии – чудесный город! Мы проводим вас туда, иначе вы можете заблудиться.

– Мы можем доверять таким людям, как вы? – недоверчивым голосом спросил Рем.

– Во имя богов, конечно! Если бы не мы, то разбойники могли бы отправить вас к праотцам!

– Как бы не так! – упрямо возразил, рассмеявшись, Ромул. – Они не знали, с кем связались, верно, Рем?

Тот утвердительно кивнул головой.

Юноша, первым заговоривший, поднял руку и представился:

– Меня зовут Целер, то есть «быстроногий». А это мои друзья, мы пастухи. И да будут боги благословенны к вам!

– Я – Ромул, а это мой родной брат Рем! И да пребудут с вами боги! – зычно ответил Ромул.

Целер сделал знак остальным, и группа пастухов пришла в движение; двое из них несли на шесте тушу крупного кабана. Ромул и Рем последовали за Целером и его спутниками. Они отправились через густой лес, по тропинке, короткому пути, что вел к Габиям, как сказал Целер.

Быстро темнело, так как была зима и дни были короткими. Усталым путникам нужен был ночлег, и с этими мыслями Ромул и Рем и сопровождающие их пастухи остановились у большого дуба, рухнувшего недалеко от полевой тропы. Дуб был расколот молнией надвое, образуя, таким образом, удобное место для сооружения временного жилища. Пастухи знали, что делать: они, неприхотливые и храбрые люди, привыкли ночевать вдали от дома, где-нибудь в лесу или в поле. Несколько толстых веток, лыко вместо веревок да кора, снятая с рухнувшего гиганта, – и нехитрый шалаш для защиты от непогоды готов.

Целер, как самый опытный, развел костер, другие разделали тушу кабана да насадили ее на вертел для приготовления жаркого. А Ромул с Ремом достали из котомок еду и разложили ее на куске коры. Через некоторое время запахло жареным, пастухи сидели вокруг костра, поживаясь от зимнего холода да кутаясь в шерстяную одежду; сидели в ожидании вкусного и сытного ужина. Однако осторожный Целер не забывал про меры безопасности – запах жареной дичи да свет от костра могли привлечь разбойников или навлечь другую какую-либо беду. Поэтому, на всякий неожиданный случай, Целер расставил вокруг временного пристанища бдительную стражу. Когда жареный кабан был готов, все набросились на еду – до того проголодались в пути. Ели жадно, заедая мясо лепешками из полбы, овощами да запивая овечьим молоком.

Вдруг послышались раскаты грома и пошел сильный дождь, какие иногда бывают в Центральной Италии в зимнее время года. Ромулу и Рему досталось для ночлега место посредине, и, невзирая на ненастную погоду, все, кроме караульных, быстро заснули: они немного устали.

На следующий день пастухи проснулись на рассвете. Караульные тут же бросились на подстилки из коры и увядшей травы и завернулись в плащи: пришла их очередь отдыхать. Остальные вытащили еду из небольших ямок, вырытых в холодной земле, и принялись завтракать. Прошло некоторое время, немного потеплело, хотя продолжал дуть порывистый и холод-

ный ветер; туман в низинах отступил, и отдохнувшие путники увидели дорогу, которая вела дальше, туда, где за горизонтом восходило утреннее солнце. Целер разбудил тех, кто охранял ночью покой остальных. Те, недовольно ворча, послушались своего вожака.

Все поднялись и отправились дальше, и так пастухи прошагали без остановок до перекрестка.

– Смотрите! Видите город на горизонте? – спросил Целер. – Чудесный город! Его башни, его сады – это нечто особенное!

И вправду, вдали показались невысокие стены небольшого городка, за которыми были видны некоторые здания. Вокруг находились жилища пастухов да поля, засеянные на зимний сезон. Все ворота были открыты, но на стенах находилась бдительная стража, правда немногочисленная. Грязная от сильных дождей полевая дорога, извиваясь среди поредевшей от холода травы, вела как раз к одним из этих ворот.

Ромул и Рем со своими новыми приятелями получили разрешение от стражи пройти в город и вошли, переглядываясь друг с другом.

Как только они оказались в пределах городских стен, к ним спустился один из стражников и поприветствовал их:

– Какой судьбой вас занесло сюда, о путники?

Целер ответил за всех:

– Мы провожаем этих двоих до вашего города, дабы они не стали жертвой коварных и жестоких разбойников, что бродят вокруг.

– О да, мы не понаслышке знаем о тех, кто нападает на мирных жителей. Даже нашему городу, известному своими знатоками в области наук и ремесел, приходится предпринимать кое-какие меры безопасности.

– Мы тоже не понаслышке знаем о разбойниках – ведь нам пришлось пережить их нападение, – улыбнулся Ромул, – но мы пришли в этот славный город, чтобы учиться здесь.

– К кому вы пришли?

Ромул достал из дорожного мешка кожаный сверток и, развернув, показал его стражнику.

– Мы направляемся в дом Плистина, к которому послал нас приемный отец.

Стражник, немного подумав, махнул рукой в сторону жилого квартала:

– Если не ошибаюсь, ваш Плистин живет вон в том квартале, в домишке, что напротив городского колодца. Городок небольшой, всего пять тысяч с лишним человек, поэтому здесь многие знают друг друга. Спросите любого про Плистина – и он укажет вам дорогу к его дому.

С этими словами стражник повернулся и вновь поднялся на башню, откуда зорко глядел по сторонам, важно прохаживаясь взад-вперед. А группа пастухов приблизилась к маленькой городской площади, потом свернула в небольшой переулок и очутилась перед колодцем. А вот и нужный дом. Дверь была закрыта, так как было довольно холодно.

Ромул, повернувшись к Рему и остальным, проговорил:

– Я сейчас представлюсь хозяину и изложу цель визита, а вы пока ждите.

– Дорогой мой приятель, – возразил Целер, – у нас нет времени, чтобы оставаться здесь хотя бы на небольшое время – мы возвращаемся обратно, в свои дома.

– Не буду возражать, и спасибо вам за неоценимую помощь, о храбрые юноши!

– Да помогут вам боги во всем! – услышали близнецы в ответ.

Ромул и Рем остались одни на малолюдной улице: плохая ветреная погода не располагала к прогулкам. Ромул кивнул Рему, и они направились к жилищу Плистина.

Подойдя к двери, Ромул вежливо постучался. В ответ раздался веселый голос:

– Кто там? Если ты незнакомец, то скажи, что за судьба привела тебя сюда?

Ромул произнес лишь одно слово:

– Фаустул.

В проеме двери показалось полноватое лицо хозяина с добрыми глазами и круглыми румяными щеками:

– Что с ним? Надеюсь, с ним не произошло ничего худого, о путники!

– Нет, он в добром здравии и шлет тебе привет, о Плистин, – вмешался Рем.

Хозяин дома, как всякий суеверный человек, постучал костяшками по деревянному косяку двери и облегченно выдохнул, потом улыбнулся:

– Да, я Плистин, а вы кто будете? Похоже, что вы родные братья.

– Нас послал Фаустул, твой родной брат. Вот его записка, – Ромул, тоже улыбаясь, протянул Плистину кожаный сверток.

Плистин бегло пробежал глазами записку от брата, и лицо его, сначала встревоженное от неожиданного визита гостей, засияло от радости.

– Ну заходите, гости мои дорогие. Добро пожаловать в наш чудесный городок, обитель мудрости и наук! – торжественно выпалил он.

Ромул и Рем вошли в небольшое жилище. Вокруг была разбросана потрепанная одежда, которую чинила хозяйка дома – женщина средних лет, довольно упитанная, с красивыми глазами и пухлыми губами. Своими ловкими руками она нитками из сухожилий животных, вдетыми в медную иглу, соединяла рваные края на поврежденной одежде. При виде гостей она встала и почтительно поприветствовала Ромула и Рема.

Плистин ей сказал нетерпеливым тоном:

– Ну что ты встала как вкопанная! Пойди приготовь гостям обед! А одежда никуда от тебя не денется!

Хозяйка подчинилась и отправилась на маленькую кухню, где загремела посудой, напевая какую-то песню.

– Ну, мальчики, садитесь. Раз вы приемные сыновья моего брата, то вы у меня желанные гости, – сказал Плистин, потирая ладони в предвкушении вкусного обеда. Я вижу, вы пришли сюда научиться уму-разуму.

– Да, так оно и есть. Один знатный муж, – и Ромул гордо поднял голову, – захотел, чтобы мы научились литературе, музыке и владению греческим оружием.

В этот момент хозяйка позвала всех к столу, и проголодавшиеся от долгого пути близнецы жадно набросились на еду.

Темным саваном ночь окутывала Габии все плотнее и плотнее. Наступило время для сна: хозяева и гости улеглись на деревянные кровати, устланные соломой, и заснули, укрывшись шерстяными покрывалами – до того бывали холодными зимние ночи в Центральной Италии.

Вдруг посреди ночи Ромул вскочил с ложа, весь в поту, сердце его от волнения сильно колотилось. Другие, потревоженные его странным поведением, тоже проснулись, при этом Рем выглядел сильно напуганным.

– Что случилось, о благородный юноша? – спросила ласково хозяйка. – Ты так напуган!

В этот момент в окне что-то мелькнуло. Ромул посмотрел туда и вздрогнул – там неистово, с пронзительным писком, царапалась о стекло когтями и крыльями большая летучая мышь, как будто желая передать находящимся в доме важную новость.

И вдруг молчавший до этого Рем пронзительно закричал:

– Нет! Только не это! О боги, неужели вы оставили нас без родной матери! О мама, не уходи!

После восклицания брата Ромул вспомнил во всех подробностях свой сон, от которого проснулся.

Ему приснилось, что он подходит к дверям тюрьмы какого-то города, при этом стражи не было, а ворота были открыты. Дальше Ромул увидел, как он спускается вниз, в темноту, туда, где должны находиться заключенные. Какой-то знакомый до боли голос, голос из самого

детства, звал его дальше и дальше. Внизу было темно, но Ромул взял факел у входа и с ним прошел в самые глубины лабиринта. Ему привиделось, что он подходит к одной из камер, откуда раздавался голос, зовущий его по имени. Вдруг голос умолк. При свете факела Ромул увидел на полу распростертое тело молодой женщины, она уже не звала на помощь, даже не дышала. Ромул воткнул факел в щель в стене и приподнял безжизненное тело женщины. И ему привиделось (о ужас!), что черты лица ему знакомы: глаза, которые смотрели на него когда-то с нежностью, теперь угасли; щеки, переливавшиеся румянцем когда-то у его лица, теперь были бледны; руки, ласкавшие его в колыбели, теперь безжизненно лежали на груди. Да, это его родная мать – сомнений нет! Вдруг женщина зашевелилась, почувствовав дыхание живого человека; ее глаза открылись и ласково посмотрели на него, Ромула; губы еле слышно выдавили: «О Ромул, милый сын, неужели это ты? Как я рада увидеть тебя перед смертью. Ромул, отомсти за меня коварному и злому Амулию, ради всех богов, – голос женщины стал чуть громче, – ради всех богов, сделай это, Ромул. И прощай. Прощай навсегда...»

– Нет, нет, только не это! О боги, за что такое наказание?! – и Ромул воздел руки к небесам.

Рем, плача, обратился к брату:

– Брат мой, мне приснилось, что будто я вошел в открытую темницу и увидел там женщину, лежащую на полу!

– То же самое хотел сказать и я, брат мой! Неужели это наша родная мать и она находится в темнице?!

Плистин и его супруга с волнением бросились к безутешным близнецам и стали успокаивать их как могли. Вдруг Плистин вскочил и указал пальцем на окно, возле которого продолжало царапаться когтями и крыльями противное перепончатокрылое животное.

– А ну, убирайся отсюда! – и с этими словами он бросился к окну, затянутому бычьим пузырем, предварительно взяв в руки метлу. Потом снял пузырь с окна и прогнал метлой пронзительно кричавшую летучую мышь.

Летучая мышь улетела прочь, в темноту необъятной ночи. И было очень тихо и темно, только раздавалось всхлипывание близнецов да увещевания хозяев дома, пытавшихся их успокоить.

Во дворце Амулия было тихо: прислуга знала, что царь устал и хочет спокойно провести время. Амулий полулежал на своем ложе в спальне, с ним находилась одна из наложниц. Вот единственное, что нравилось Амулию, – то, что многочисленные слуги трепетно исполняют все его прихоти, а наложницы убаживают его стареющую плоть. Государственные же дела, приемы послов, подавление народных волнений и военные действия против соседей – это невыносимое бремя, и Амулий стал понимать это все больше и больше. Да и совесть Амулия была постоянным раздражителем, от которого царь не мог спрятаться, как прятался он во дворце от народных бунтов. Может быть, тому виной его преступные замыслы и козни против родичей: родного брата, племянницы и других из рода Сильвиев? На это указывали весьма зловещие знамения, которые происходили неоднократно после того, как он, Амулий, стал узурпатором Альбы-Лонги. Например, он увидел, как в ясный солнечный день на крупного черного ворона, сидевшего на коньке крыши, набросилась стая белых воронят и разорвала его на куски. Такого Амулий никогда раньше не видел. Но еще больше испугало суеверного Амулия другое зловещее знамение: во время жертвоприношения по окончании сезона жатвы жертвенный бык, крепко связанный по ногам пеньковыми веревками и уже положенный на жертвенный камень, вдруг разорвал мешавшие ему путы, сбил с ног жреца с жертвенным ножом, а потом насмерть затоптал других служителей. Лишь подоспевшим стражникам удалось пронзить его копьями, и бык повалился на землю, окропив ее кровью, но церемония жертвоприношения

была сорвана. По толпе прошел слух, что не к добру это. Простые люди заволновались и теперь более, чем раньше, проявляли недовольство деспотическим правлением.

Но, пожалуй, самым страшным для Амулия оказался сон, который приснился ему в последнюю ночь. Узурпатору привиделось, что будто он в страхе бежит через темный и дремучий лес. Сердце у него колотилось сильнее обычного, так как Амулий не знал, откуда исходит опасность. Среди многочисленных деревьев ему мерещились то оскаленные морды волков, то сверкающие клыки кабанов. А сзади как будто доносилась заунывная трель пастушеского рожка. Амулий бежал по лесной тропе и вдруг обнаружил топкое болото, но поздно – трясина схватила его за ноги и стала неумолимо тянуть в зловонную жижу, на самое дно. И в этот момент Амулий проснулся в своей кровати, весь в сильном поту и дрожа подобно осиновому листу. Это был всего лишь сон, но, тем не менее, ночной кошмар так напугал узурпатора, что он не мог думать о чем-нибудь другом.

Теперь Амулий лежал рядом с молоденькой наложницей на большой кровати и большими глотками пил неразбавленное водой вино из кубка, что обычно не делали греки и жители Центральной Италии. Подумав немного, царь велел наложнице немедленно удалиться, затем оделся и зазвонил в висящий у ложа колокольчик. Он понял, что нужно сделать, чтобы угодить совести, так мучавшей его.

Через несколько мгновений в комнату вбежал слуга, кланяясь и простирая руки над головой:

– Что прикажете, господин мой?

– Передай страже, чтобы освободили из темницы Рею Сильвию! – закричал уже захмелевший Амулий.

– Я не ослышался, о царь? – спросил слуга, заметив, что его повелитель пьян.

Амулий вскипел от ярости, желваки заиграли на его лице:

– Я сказал – привести Рею Сильвию во дворец!! Таков мой приказ! Да побыстрей!

Слуга раскланялся и вышел, во дворце сразу же все пришло в движение: стражники побежали в темницу, а прислуга принялась готовить запоздавший обед.

Через некоторое время вернулись стражники, но, к неудовольствию Амулия, Реи Сильвии с ними не было.

– Что это значит?! Где моя племянница?! – закричал Амулий, потрясая кулаками. Закричал и удивился про себя – и когда он в последний раз называл ее племянницей? Про это он уже не помнил.

Стража молчала, все были бледны и стояли как статуи, боясь проронить хоть слово.

Наконец начальник стражи тихо промямлил:

– Ваша племянница, о царь, к сожалению, потеряла рассудок. И она отказалась выходить из темницы, как мы ее ни уговаривали. Она ничего не помнит.

Вдруг в спальню вбежала с заплаканным лицом Анто и, потрясая кулаками, мотая головой, бросила своему отцу в лицо гневное обвинение:

– Ты – узурпатор, убийца! Ты довел ту, к которой я была привязана с самого детства, до истощенного состояния и безумия! И теперь бедняжка даже не может вспомнить, кто она и что с ней было, – настолько помутился у нее рассудок! Но бессмертные боги покарают тебя за преступные деяния! Недолго тебе осталось ждать, твой час близок! – И, развернувшись к дверям спальни, выбежала из комнаты, проклиная Амулия на все лады.

Ошеломленная поведением Анто и состоянием захмелевшего царя, стража не знала, вернуть ли ей беглянку или оставаться на месте в ожидании приказа Амулия.

Амулий тоже не предвидел такого поворота событий. Он беспомощно опустился на пол, прислонившись к кровати и вытянув едва прикрытые волосатые ноги. Стража никогда не видела своего повелителя таким безвольным – безвольным, подобно тряпичной кукле, валя-

ющейся в сундуке. Затем узурпатор, вспомнив, что он царь великого города Альбы-Лонги, пришел в себя, кое-как встал и затопал ногами:

– А ну, прочь! Прочь с глаз моих!

Не успел он договорить, как стражи и след простыл, а двери спальни закрылись.

Некоторые из простолудинов, кто находился около дворца, видели, как из его дверей выбежала молодая женщина и, не оглядываясь, убежала в сторону городских ворот. В ту сторону, где находилась река; туда, где было малоллюдно. И с тех пор ее уже больше никто не видел.

7 Новые друзья

Пока близнецы усердно грызли гранит науки в Габиях, прошла зима, за ней весна, потом наступила осень, а затем снова потянулись унылые зимние дни с дождями и сильным ветром; им на смену пришли погожие весенние дни; потом наступило сухое и жаркое лето, сменившееся прохладной осенью.

Ромул и Рем после той памятной ночи, после перенесенного ночного кошмара, быстро пришли в себя: мужества этим храбрым подросткам хватало, чтобы встречать невзгоды с гордо поднятой головой. А со временем, с возмужанием, близнецы стали еще больше понимать, что тут что-то не так, что истина, которую окружающие скрывают от них, где-то рядом. В самом деле, думал Ромул, почему ему с братом приснилась женщина, так смутно похожая на кого-то, но так не похожая на Акку Ларенцию? И, эта женщина, находясь в заключении, звала их на помощь, но поздно – она, судя по сновидению, умерла.

Это был сон, но тем не менее в нем было что-то зловещее, что предостерегало от будущих бед. Ромул, который, как оказалось, обладал большим мужеством, чем его брат-близнец, первым дал понять, что когда они вернутся домой, он подробно расспросит Фаустула про их, близнецов, рождение. Иногда в голову ему приходили смутные воспоминания из детства: какой-то дворец, уединенная комната в нем, большой город с шумными улицами, слезы женщины, удивительно похожей на ту, что привиделась им во сне. И они должны вдвоем найти истину и вернуться в тот город, который, словно призрачное видение, маня и приближаясь, всплыл в памяти у них. Он, Ромул, говорил об этом довольно часто, но говорил об этом только тогда, когда они оставались вдвоем. Ведь Рем был лучшим советчиком Ромула. А теперь настал момент, когда Ромул с Ремом завершали свое образование в Габиях, уже мечтая о том, когда они вернутся в тот город из детства. И близнецы, конечно же, жаждали новых приключений.

И вот наступил день прощания. Старый Плистин и его сердобольная супруга грустно махали двум братьям руками на прощание. Близнецы, уже снаряженные в путь, стояли, обернувшись на дом и на тех, кто стал для них почти родными. Была теплая весенняя погода, солнце ласково пригревало землю, на которой уже вовсю зеленела трава. Над крышами домов, весело щебеча, проносились певчие птицы. Противно каркали вороны, да чирикали воробьи, важно расхаживали голуби, кланяясь всем на каждом шагу. Иногда тут и там появлялись собаки; часто проходили с пастухами овцы, козы. Одним словом, люди вместе с домашними животными радовались приходу весны. Но, с другой стороны, начинался трудный сельскохозяйственный сезон – сезон посева семян да вспашки земли.

Ромул и Рем, вздохнув, забросили на плечи дорожные мешки, взяли в руки охотничье оружие и зашагали по пыльной городской площади. Свернув за угол одного каменного дома, они исчезли из виду, а Плистин с хозяйкой задумчиво смотрели на еще клубившуюся от ног близнецов пыль.

Без приключений добрались близнецы до пастушеского поселка, а там было рукой подать до хижины Фаустула. С радостью выбежали Акка Ларенция и ее муж из своего дома, как увидели, что близнецы весело шагают по молодой весенней траве, оставляя следы на ней. Ведь Ромул и Рем заранее предупредили с одним из пастухов Фаустула о своем прибытии. Они тоже радовались своему счастливому возвращению домой, под отеческий кров. И Ромул на радостях позабыл о своем недавнем намерении расспросить Фаустула о раннем детстве. Зайдя в аккуратно прибранную комнату хижины, близнецы не застали там сыновей Фаустула и Акки Ларенции.

– Отец наш и матушка, но мы не видим наших приемных братьев!

– Не беспокойтесь, мои родные, мальчики наши пасут скот вместе с другими пастухами, – ответил Фаустул, а хозяйка кинулась к очагу и столу – Ромула и Рема, конечно, следовало хорошо накормить.

– О боги, как мы могли забыть, что вы – пастухи! – воскликнул Ромул и рассмеялся, Рем засмеялся вслед за братом. – Но вы особенные, вы очень хорошие люди, и мы вас любим!

С этими словами близнецы по очереди обнялись со своими приемными родителями, а потом принесли жертву домашним божествам. Для этого во дворе близнецы разложили на каменном выступе предметы культа: колосья пшеницы, бобовую кашу, фигурки овец и коз, сделанные из глины, а затем, повернувшись лицом к хижине, произнесли заклинания: «Помогите нам, добрые духи, ибо мы вернулись к родным пенатам!» И только после этого хозяйка позвала всех к домашней трапезе, и мужчины не заставили себя долго ждать – сели за стол и приступили к еде.

Тут все сидящие за столом услышали со стороны двора возбужденные голоса и стук от падения сельскохозяйственных орудий на землю. Вслед за этим в хижину Фаустула ввалились его сыновья, уже крепкие взрослые юноши, все разгоряченные от бега и радостные по причине возвращения близнецов, о возвращении которых им сообщили пастухи в поле. Те немедленно побежали по направлению к дому и – о радость! – застали всех за домашней трапезой.

«Но, о боги! – подумалось Ромулу. – Здесь только одиннадцать юношей!»

Хозяйка, поймав взгляд Ромула и посмотрев потом на Рема, заплакала, а Ромул спросил ее удивленно:

– Мать, но я не вижу здесь двенадцатого из наших нареченных братьев? Где он?

Рем тоже посмотрел на хозяйку вопросительным взглядом. Фаустул сразу сделался угрюмым и ответил голосом, в котором сквозила печаль:

– Его нет с нами – боги забрали его к себе.

– Но как это произошло?

– К нашему несчастью, боги не дали ему хорошего здоровья. И этой зимой, в дождливую погоду, ваш нареченный брат случайно провалился в холодную болотистую трясины. Насилу остальные его вытащили, однако бедняга получил воспаление легких и скончался на четвертый день после этого ужасного случая. И да помогут ему могущественные боги обрести вечный покой на небесах! – дрожащим голосом рассказал Фаустул.

Акка Ларенция закрыла лицо руками и зарыдала – память о невосполнимой утрате была еще свежа.

– Жена, перестань – слезами горю не поможешь, – вздохнул Фаустул, – мы должны мужественно переносить удары судьбы, и да будет на то воля богов!

Ромул бросился к Акке Ларенции и стал ее утешать как мог; Рем, конечно же, тоже оказался рядом. Он не говорил слов утешения, а только молча гладил своей ладонью морщинистую руку хозяйки дома.

В очаге весело потрескивал огонь, в окна хижины заглядывали озорные лучики весеннего солнца, но на лицах у всех была печаль от перенесенного горя и слышалось прерывистое дыхание хозяйки да перешептывание сыновей Фаустула. Вдруг Акка Ларенция встрепенулась, глаза ее оживились. Женщина почувствовала, как в ней пробуждается материнское чувство, причем это было глубокое чувство, не оставляющее сомнений: да, Ромул и Рем стали для нее почти родными! И почему бы не усыновить Ромула, чтобы он мог заменить умершего сына? И тогда мальчиков снова будет двенадцать, а это число для них священное. Ведь для отправления обрядов в честь Майи требуется двенадцать молодых юношей – не больше, не меньше.

Акка Ларенция протянула руки к Фаустулу и произнесла:

– О муж мой, во имя богов разреши мне усыновить Ромула, дабы он мог заменить собой умершего родного сына!

Фаустул в ответ только кивнул головой:

– Хорошо. И да будет так! Пусть Ромул станет одним из братьев-пахарей!

Так Ромул стал отныне исполнять обязанности члена коллегии арвальских братьев. А чтобы закрепить оформление кровного родства, Ромулу приказали вместе с другими совершить особый ритуал: во дворе дома все двенадцать братьев с венками из колосьев на голове и белыми повязками должны были выпустить из своей руки немного крови и в специальном ритуальном сосуде смешать ее с кровью породненных.

При этом священнодействии Фаустул проговорил следующие сакральные слова:

– Пусть всемогущие боги будут свидетелями скрепления союза между арвальскими братьями и Ромулом! А если кто из нас по своей слабости или по воле случая нарушит священный договор, то да будет он богами проклят навеки!

При этом ритуале как свидетели присутствовали другие пастухи и земледельцы и, конечно же, доверенное лицо от Нумитора, тот самый немолодой, болезненного вида человек, который принес в зимний и дождливый день его приказ. Именно через этого человека Фаустул сообщил опальному царю о намерении принять Ромула в арвальскую коллегию. Податливый Нумитор, конечно же, согласился – ведь Фаустул был для него как родной брат, к советам которого он всегда прислушивался.

Прошло еще немного времени – Ромул и Рем возмужали еще больше. Более того, близнецы во всем проявляли больше ума, храбрости, воли, чем их сверстники по ремеслу, а жизненная энергия, казалось, была из них ключом. Ромул и Рем, как и прежде, помогали Фаустулу и его сыновьям в их труде, но, в отличие от прошлых лет, обнаружилось стремление Ромула к лидерству – как-никак, а лидерские задатки у Ромула были, и были невероятные. Ромул обладал тем качеством, которое было столь редким у простых пастухов. У него была харизма, у него стала обнаруживаться способность убеждать других, способность найти выход из любой трудной ситуации и сильная воля. Естественно, без обучения наукам и искусствам он не смог бы проявить эти необходимые для лидера качества. Но вместе с науками в Габиях близнецы впитали в себя и умение уважать мнение других, будь то совет другого или спор, также впитали в себя и любовь к ритуальным священнодействиям.

Однажды близнецы вместе с другими пастухами, самыми сильными и выносливыми, охотились в местности, которая прилегал к Альбанскому озеру с севера. Стояла типичная для осенней поры погода: было очень тепло и солнечно. По холмам, с любопытством заглядывая в темные и укромные места, скользили солнечные лучи, обгоняя друг друга; над лесом, что был неподалеку, пролетали с криками разные птицы; на болотах противно квакали лягушки да грациозно переступали длинными ногами цапли. На поляне, то тут, то там, были разбросаны улья для пчел, образуя пасеку – пчелиный городок. А над пастушескими хижинами поднимались клубы дыма, свидетельствуя о готовящейся для их обитателей вечерней трапезе.

Увлечшись охотой за диким кабаном, Ромул и Рем со спутниками незаметно пробрались сквозь прилегающие заросли в лесную чашу. Кабан находился где-то рядом, ибо все слышали его хриплое дыхание и топот его копыт. Пастухи тоже запыхались от быстрого бега; переводя дух, они уже почти шагом, раздвигая ветки охотничьим оружием, следовали за утомленным животным. Продвигаясь вперед, преследователи кабана вдруг увидели, как на них во весь опор несется косуля – животное, которое часто встречалось им в этой местности.

Косуля мчалась резкими и короткими скачками. Ромул поднял дротик, но, видя, что лес слишком густой, отбросил его и взял лук в левую руку, а правой приложил стрелу к тетиве и только собрался отпустить тетиву, как вдруг увидел сзади косули, в зарослях, человеческие лица. Люди медленно приближались, делая Ромулу знаки, чтобы тот не стрелял в их направлении. А косуля стремглав промчалась мимо, уходя от преследователей все дальше и дальше.

Разочарованию близнецов и их спутников не было предела:

– О боги! Что же ты, Ромул, не выстрелил в животное?! Ведь оно было так близко от нас!

– Да, но в этот момент, когда я собрался выстрелить в него, слишком близко оказались вот эти люди – ведь я не хотел убить или хотя бы ранить одного из них, – и Ромул рукой указал по направлению к группе преследователей косулю.

Рем закивал головой, соглашаясь с братом. Люди, из-за которых Ромул так и не поразил косулю, оказались пастухами, которым вздумалось побродить по лесам в поисках добычи. Может быть, им надоели пастушеские занятия; может быть, им захотелось мяса дикого животного, но, так или иначе, это были вооруженные пастухи. И, в отличие от Ромула, этим пастухам удалось поразить насмерть большого кабана: его туша с обломками стрел и глубокими ранами от смертоносных дротиков беспомощно болталась на толстом шесте, который несли на плечах четверо пастухов. Вдруг среди других пастухов Ромул увидел знакомое лицо. Где-то он встречал этого крепкого и рослого юношу с маленькой бородкой, но где?

Ромул, немного подумав, хлопнул себя по лбу и радостно воскликнул:

– О боги! Неужели это Целер! Целер, кажется, судьба вновь сталкивает нас!

Целер поднял руку для приветствия и громко произнес:

– Приветствую вас, друзья мои! – И, понизив голос, добавил, обращаясь уже к своим спутникам: – Мне очень жаль, что мы упустили косулю.

– Я как раз собирался поразить ее, но в последний момент остановился, боясь поразить вас – ведь вы находились совсем рядом с добычей! – рассмеялся Ромул.

– А Целеру и другим, наверное, удалось поразить нашего кабана! – в свою очередь рассмеялся Рем, подойдя к туше и выразив при этом удивление: – Да это тот самый кабан!

Другие пастухи тоже рассмеялись – настроение у всех было хорошее, под стать теплой и солнечной погоде.

Ромул, осматриваясь вокруг, спросил Целера:

– Куда вы направляетесь, о путники?

– По домам, куда же еще? Думаю, этого огромного куска мяса хватит всем на пару дней, не так ли? – произнес с удовлетворением в голосе Целер.

– А где ваш дом, откуда вы сами? – спросил Ромул. Рем тоже вопросительно посмотрел на Целера и его спутников.

– Мы живем неподалеку от Альбанского озера, на северном его берегу. Клянусь богами, чудное местечко!

У Ромула в этот момент мелькнула интересная мысль. Эти юноши ему нравятся... А что если...?

– Хотите присоединиться ко мне? Вместе мы будем еще сильнее! – и Ромул, подойдя к Целеру, протянул для рукопожатия свою руку, а Целер ответил молчаливым согласием.

– И да будет так! – воздел вверх руки Рем, сияющий от счастья. Эх, и да будут боги свидетелями – если бы Рем знал, чем это обернется в будущем!

Пастухи образовали одну большую группу, во главе которой шли Ромул, Целер и Рем, изредка перебрасываясь солеными шутками.

Ромул, проявляя любопытство, спросил Целера:

– А почему, друг мой, тебя называют «быстроногим»? Я что-то не видел, как ты мчишься во весь опор, подобно трепетной лани или ловкому волку, – и Ромул улыбнулся, чтобы не рассердить Целера.

Но у того оказалось хорошее чувство юмора – Целер в ответ лишь усмехнулся:

– У местных жителей бытует поверье, будто я темными ночами превращаюсь в большого волка и в таком обличье исполняю своеобразные танцы с волками, но это не так.

И рассмеялся. Рассмеялись и спутники Целера.

Вскоре Ромулу удалось удовлетворить свое честолюбие: он подстрелил крупного оленя-самца с красивыми ветвистыми рогами. Убив оленя, Ромул приказал своим людям нести оленя на шесте – пастухи Ромула повиновались; они признавали в Ромуле его авторитет как лидера.

На развилке, где дорога разделялась на два пути – один из них вел к побережью Тибра, а другой – к Альбанскому озеру, Ромул и его спутники и Целер со своими верными людьми остановились, чтобы попрощаться.

Ромул, перед тем как отправиться со своими пастухами к дому, повернулся к Целеру и посмотрел тому прямо в голубые глаза, посмотрел внимательно и произнес:

– О Целер, пришло время прощаться, но, ради богов, не забывай о нас! А если тебе понадобится помощь, то сразу дай мне знать!

Целер рассмеялся в ответ:

– Слава богам, но сейчас я не нуждаюсь в помощи! Что касается тебя, ты впредь можешь рассчитывать на меня и моих людей! Ну, если тебе понадобится помощь...

Ромул не выдержал, вскипел – ладони его сжались в кулаки, но его гнев быстро прошел:

– Такие люди, как я и мой брат, которым помогают боги, не нуждаются в чьей-либо помощи!

Рем сзади ущипнул Ромула за локоть:

– Успокойся, брат мой! Ни к чему сейчас ссориться из-за пустяков! Эти люди нам пригодятся.

И Ромул совсем успокоился. Он крепко пожал Целеру руку на прощание и быстро зашагал по тропинке, а остальные двинулись за ним. Целер же со своими спутниками направился своей дорогой. Осенние дни становились короче, уже стемнело, и нужно было успеть добраться до дома до наступления кромешной темноты, дабы не заблудиться в потемках.

8 Первые столкновения

Наступило утро. Погода на этот раз испортилась: подул сильный и довольно холодный ветер да хлынул дождь. Семья пастухов с самого утра все это время оставалась в жилище. Ромул и Рем нетерпеливо ждали, когда пройдет ненастье: непоседливым близнецам просто не сиделось в четырех стенах. А дождь все барабанил нудно где-то в стороне, кажется, по крыше загона для скота, и стучал неистово по крыше хижины. В загоне жалобно блеяли овцы, а ржали лошади, да слышалось снаружи протяжное завывание ветра – предвестника осенних холодов. И вот наконец дождь пошел на убыль, а ветер стих. Природа, проснувшись после дождя, зашевелилась, лениво потянулась навстречу ласковым лучам осеннего солнца, которое не преминуло явить миру свое величие.

Близнецы сразу после дневной трапезы за общим столом выскочили из хижины и побежали к загону, а Фаустул, прихрамывая на одну ногу, – за ними. У других пастушеских хижин тоже началось движение – пастухи все, как один, выгоняли овец да свиней. После дождя трава покрылась живительной влагой, так необходимой и людям, и животным.

Пастухи отправились вслед за своим скотом и разбрелись, сопровождаемые преданными стражами – собаками. А Ромул и Рем с верными друзьями, взяв с собой запасы еды и охотничье оружие, направились к лесу. В небе то тут, то там пролетали различные птицы, а выше гордо парили орлы. Из чащи временами показывались дикие животные: косули да кабаны. В переполненном дождевой водой болоте прыгали лягушки да важно прохаживались цапли. Солнце уже пригревало всюду, разбрасывая вокруг себя лучи и освещая все вокруг. Казалось, природа после ненастья наверстывала свое, стараясь вернуть в осеннюю пору летнюю жару и энергию летних дней.

Пастухи через некоторое время улеглись на отдых, оставив немногих присматривать за стадами, а верные собаки кружили рядом, не давая возможности свиньям и овцам разбредиться.

Вдруг со стороны лесной чащи показались вооруженные люди в большом количестве; они двигались очень осторожно, стараясь подойти к стадам незаметными. Однако собаки пастухов почуяли неладное, повернули морды в ту сторону, откуда доносился незнакомый запах, и сердито залаяли, угрожающе оскалив клыки. Естественно, пастухи проснулись, а те, кто караулил стада, быстро схватились за оружие, какое у них было.

– Стой! Кто идет? – спросил один из людей Фаустула. Но ответа не последовало – чужаки приближались, и на их лицах читалась лишь мрачная решимость. Они подходили все ближе и ближе и – о боги! – явно намеревались затеять драку. И не успели люди Фаустула как следует подготовиться, как их ряды были сметены нападавшими. На головы и груди обрушились тумачи, а бока испытали на себе силу крепких ног. А кто-то из свинопасов, оказавший сопротивление, был и вовсе нещадно избит. Пастушьих собак злоумышленники совсем не пожалели: дубинами да рогатинами искалечили многих из них.

Через несколько мгновений все было кончено: на земле лежали избитые пастухи Фаустула, а рядом – изуродованные трупы собак с ужасными ранами, нанесенными оружием. Однако в пылу борьбы чужаки не заметили, как одна из собак стремглав кинулась в сторону леса.

Ромул и Рем с друзьями продвигались по следу крупного кабана, которого почуяла их охотничья собака. Вдруг к близнецам, жалобно скуля, подбежала пастушеская собака, подпрыгивая и как будто указывая мордочкой в ту сторону, где остались со стадами пастухи Фаустула. Ромул и Рем, недоумевая, но тем не менее бросив охоту, со своими верными спутниками немедля направились туда, а собака побежала впереди, издавая жалобные звуки.

Выбравшись из густого леса, они увидели, как вдали маячат чьи-то фигуры с оружием в руках. И слышно было, как недовольно блеют овцы, хрюкают свиньи да раздаются стоны пострадавших пастухов. Через некоторое время братья с пастухами подошли, как они уже догадывались, к месту стычки и увидели то здесь, то там валялись раненые и избитые пастухи, а рядом – тела искалеченных пастушеских собак. Стада овец и свиней исчезли.

– О боги! Эти негодяи вероломно напали на наших друзей и увели стада! Но, клянусь богами, кто бы это ни был, они заплатят за это вероломное нападение! – голос Ромула прогремел на всю округу. – Вы слышите, негодяи, вы заплатите за это! – и Ромул так сильно сжал пальцы в кулаки, что оставил их следы на ладонях. Рем же, более уравновешенный, заметив сидящего рядом с поникшей головой пастуха, кинулся к нему.

– Пить, пить, – прохрипел пострадавший.

Один из пастухов быстро достал кожаный мешок с водой и, приподняв несчастному голову, влил ему в рот живительной влаги.

– Кто это сделал?! – закричал вне себя от гнева Ромул.

– Я узнал их... это пастухи Амулия... они направились в сторону Альбы, – стоная от боли, пробормотал пастух.

Люди Ромула соорудили нечто вроде носилок и стали бережно укладывать раненых на них. Остальные пастухи, кое-как приведя себя в порядок, взяли на руки уцелевших собак и понесли их, хромя, по направлению к поселку. Рему же и своим спутникам Ромул велел как можно быстрее бежать в поселение за подкреплением.

– Быстрее! Быстрее! Во имя богов! Они, отягченные добычей, не могли далеко уйти! – торопил Ромул брата. И Рем пустился со всех ног, оставив остальных далеко позади.

Ромул же приказал всем пастухам проверить на готовность охотничье оружие и послал вперед разведчиков вместе с собакой, предупредившей их о стычке. За первой парой разведчиков Ромул послал вторую пару, за второй – третью и так далее. При этом наказал всем скаутам держаться в пределах видимости друг от друга, чтобы не упустить людей Амулия. Ромул смекнул, что собака, возможно, запомнила запах нападавших и поэтому должна оказать ему неоценимую помощь. Разведчики, вооружившись лишь длинными ножами да гибкими луками, немедленно пустились в путь.

А в это время пастухи Амулия, уверенные в том, что их никто не преследует, и неторопливо подгоняя жалобно блеющих овец и ворчащих свиней, передвигались по опушке леса. Они были настолько убеждены в своей силе и безнаказанности, что даже не обезопасили свой тыл, полагаясь на удачу и заступничество Амулия, царя Альбы-Лонги. Погода была чудесной, и нападавшие, убаюканные теплом и тишиной, медленно шли в сторону своих поселений. А чуть далее, почти настигнув людей Амулия, осторожно передвигались разведчики, посланные Ромулом; передвигались, готовые к любому неожиданному повороту событий. Они, конечно, держались на почтительном расстоянии, но при этом старались не упускать преследуемых из виду.

Ромул все это время нетерпеливо выжидал, он не мог усидеть на месте: им двигала жажда мести – и он рвался за похитителями. Наконец – о боги! как томительно было ожидание! – показался Рем со свежими силами. Ромул облегченно вздохнул и быстро побежал за последней группой посланных вперед людей. Отправляя одну группу за другой, Ромул, таким образом, подвергал опасности себя, ибо численность оставшихся с ним верных спутников неумолимо снижалась. Но Ромул полагался на свою необыкновенную силу – силу быка, храбрость льва и ловкость волка. Животный инстинкт разгорелся в нем с новой силой, и он, как одержимый, бежал впереди всех, а Рем не отставал от него. И скоро предводители с подкреплением из поселка настигли последнюю группу скаутов.

Разведчики доложили Ромулу, что пастухи Амулия совсем рядом и они не заметили ничего подозрительного. Ромул удовлетворенно кивнул, потом дал знак всем разведчикам

остановиться, чтобы преследуемые не услышали их голосов. Пастухи образовали тесный круг, а в центре него встали Ромул с Ремом.

– Слушайте меня, друзья мои, – вполголоса проговорил Ромул, – прежде всего мы должны отбить наши стада, но если эти злодеи посмеют нам помешать, то нам придется применить силу. Но помните – никакого кровопролития. И да помогут нам боги.

Над головами пастухов пробежал глухой ропот недовольства; один из них поднял дубину; другой изо всех сил сжал кулаки, а лица многих пылали гневом. Пострадавшие друзья и родичи представляли перед их мысленными взорами. Но Ромул властным жестом руки и таким же властным голосом заставил своих спутников подчиниться его желанию.

– Да будут боги свидетелями этого злодеяния, но мы не должны уподобляться разбойникам. Мы пришли, чтобы отобрать отнятое у нас добро. И еще, – Ромул, призывая к вниманию, поднял кверху указательный палец, – в крайнем случае, стреляйте по ногам обидчиков. Всем ясно?

Пастухи наконец поняли значение сказанных им слов. Тогда Ромул дал знак немедленно окружить тех, кто сопровождал угнанное стадо овец и свиней. А Рем, с молчаливого согласия Ромула, поднял с земли увесистый камень и с силой швырнул его в сторону, чтобы отвлечь внимание людей Амулия. Естественно, те повернули свои взоры туда, где раздался шум от упавшего камня, а Ромул в этот момент дал знак к нападению. Его спутники, как один, набросились на тех, кто сторожил стада, и после короткой стычки, применив кое-где пастушеские посохи да кнуты, опрокинули пастухов Амулия. Овцы, заблеяв, кинулись от страха вместе со свиньями в сторону от дороги и встали, сбившись в кучу.

Люди Амулия сначала опешили, но, подняв для отражения атаки свои посохи да дубины, кинулись на преследователей. Тут по приказу Ромула вперед выступили пастухи, вооруженные легкими луками и натянули тетивы со стрелами.

– Еще шаг, негодяи, и, клянусь Гераклом, вам прострелят ноги! – голос Ромула гремел от ярости.

Злоумышленники остановились – они, конечно, были напуганы решительными действиями спутников Ромула. И немного подумав, они опустили пастушеское оружие, повернулись и с угрюмыми лицами побрели прочь, иногда выкрикивая бранные слова в адрес пастухов Фаустула:

– Деревенский сброд вы, вот кто! Это все принадлежит нашему царю, а не вам, жалкие людишки! Могущественный царь Альбы сгноит вас в темнице!

Ромул вскипел от гнева. Подбежав к пастуху, который ругался громче всех, он ударил того наотмашь по лицу. Брызнула кровь, люди Амулия подбежали на помощь, но Ромул поднял свою дубину и угрожающе помахал ею. Рем оказался тут как тут рядом с братом, взяв на изготовку свою любимую рогатину. Их друзья, в том числе и вооруженные луками, бросились на выручку Ромулу, решительно направив стрелы в людей Амулия. Те отступили, а кто-то из них поднял пострадавшего любителя бранных словечек и, поддерживая его, побрел прочь за остальными.

Ромул облегченно вздохнул: ему не хотелось превращать стычку в кровавое побоище, а так можно отделаться парой тумачков да зуботычин. Более сдержанный Рем встал сзади, хлопывая Ромула по плечу – успокаивая своего пылкого брата. А пастухи, собрав овец и свиней в стадо, погнали их в свое поселение. Те, узнав хозяев, радостно заблеяли, захрюкали и покорно последовали за ними.

Ромул обнял своего брата в знак благодарности за моральную поддержку. Да, ему, Ромулу, не хватает иногда рассудительности и сдержанности в ситуациях, когда требуется выдержка и хладнокровие. Но все эти качества есть у Рема. Ну почему боги не наделили его, избранного богами и судьбой (а в этом Ромул не сомневался), почему его не наделили теми качествами, которые столь необходимы в таких случаях?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.